Стефан Кларк

О, боже, снова Париж!

наблюдая за французами

От автора бестселлера
«Боже, спаси Францию»

Боже, спаси…

Стефан Кларк

О, боже, снова Париж! Наблюдая за французами

«РИПОЛ Классик»

2005

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-44

Кларк С.

О, боже, снова Париж! Наблюдая за французами /
С. Кларк — «РИПОЛ Классик», 2005 — (Боже, спаси…)

ISBN 978-5-386-03092-6

Новое приключение британца Пола Уэста в Париже, в котором он пробует себя в роли провинциального фермера и парижского бизнесмена. Ему предстоит собирать кабачки в огороде потенциальной тещи, рыть яму для септика и спать на скрипучей прадедушкиной кровати в сельской Франции. Он все-таки откроет в Париже английскую чайную, столкнется с трудностями, подстерегающими начинающего бизнесмена, и конечно же продолжит поиски идеальной мадемуазель. «О, боже, снова Париж!» – новый искрометный роман от Стефана Кларка, автора шести международных бестселлеров о непростых взаимоотношениях французов и англичан.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-44

ISBN 978-5-386-03092-6

© Кларк С., 2005
© РИПОЛ Классик, 2005

Содержание

I. Секс в провинции 6
1 6
2 10
3 15
4 18
5 22
6 25
7 30
8 35
9 42
II. А не послать ли всех Арс? 47
1 47
2 51
3 55
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Стефан Кларк
О, боже, снова Париж!
Наблюдая за французами

Stephen Clarke
Merde. Actually
© Stephen Clarke, 2005
© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2011

Все связано цепью необходимости и устроено к лучшему.
Вольтер, «Кандид»

Ад – это другие люди.
Жан-Поль Сартр, «Нет выхода»

Мне бы вот этого Вольтера, пожалуйста.
Пол Уэст, «Боже, спаси парижан!»

I. Секс в провинции

1

Мы с Флоранс застряли в сорока километрах к югу от Лиможа, в Коррезе, почти в самом центре Франции. Если наложить витрувианского человека да Винчи[1] на карту страны, так чтобы его правая рука разместилась поверх Бретани, левая – поверх Страсбурга, а ступни оказались в Биаррице и Монако соответственно, то Коррез будет той самой маленькой заплаткой, на которую он написает.

У мамы Флоранс имелся загородный дом в Коррезе. Мы планировали заехать к ней на ланч и от нее на пару недель отправиться в поездку по Юго-Восточной Франции.

Но все пошло не по плану, и вот теперь мы сидели на солнцепеке возле своей помятой машины. Прошло минут десять в ожидании приезда полиции или эвакуатора, когда Флоранс склонила голову мне на колени и произнесла роковые слова:

– Думаю, нам придется провести несколько дней с *Maman*.

Разумеется, тогда она еще не знала о том, что я попытаюсь прикончить ее мамашу. Да я и сам не знал. Мы были вместе всего два месяца, и, если бы кто-нибудь спросил мое мнение, я наверняка ответил бы, что не считаю попытку убийства матери своей новой подружки залогом успешных отношений в будущем.

Как бы то ни было, упрекнуть мне себя не в чем. Во всем был виноват водитель-француз.

– *Connasse!*[2] – крикнул он.

Французские оскорбления восхитительны в своей грамматике, подумал я. Даже в разгар перепалки нужно помнить о том, что следует использовать форму женского рода грубого слова «идиот».

Но водитель-француз был в высшей степени несправедлив. Дело в том, что за рулем как раз был я, а не Флоранс. А на нее он кричал лишь потому, что она сидела ближе к нему. Хуже всего то, что этот ненормальный оставил вмятину – по моим ощущениям, сопоставимую со следом от падения астероида – на правой задней дверце новенького автомобиля отца Флоранс, тем самым причинив не меньшую травму ей самой.

– Ты в порядке? – спросил я ее по-английски.

– *Oui*[3]. – Она всегда отвечала мне по-французски. – *Et toi, Paul?*[4]

– Да, но у меня прямо руки чешутся сбить с носа этого типа его дизайнерские темные очки.

– Нет, ты не можешь так поступить, ты же англичанин. Ты должен сохранять свою флегму.

---

[1] «Витрувианский человек» – рисунок, сделанный Леонардо да Винчи примерно в 1490–1492 годах, как иллюстрация для книги, посвященной трудам Витрувия. На рисунке изображена фигура обнаженного мужчины в двух наложенных одна на другую позициях: с разведенными в стороны руками, описывающими круг и квадрат. Рисунок и пояснения к нему иногда называют каноническими пропорциями. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

[2] Идиотка! (*фр.*)

[3] Да (*фр.*).

[4] А ты, Пол? (*фр.*)

– Флегму? – Такого я еще не слышал. Неужели французы полагают, что мы, британцы, успокаиваем нервы исключительно тем, что поплевываем вокруг себя? Должно быть, они насмотрелись нашего футбола по спутниковому телевидению.

– Да, вы же флегматики. У вас холодная кровь.

А… так она рассматривает англичан как рептилий, теперь все более или менее понятно.

– Нет, – сказал я, – этим очкам явно не место на носу.

Я вышел из ярко-синего «Рено Вел Сатис» и быстро оглядел себя, пытаясь оценить возможный ущерб, нанесенный моим конечностям. Но нет, обе машины перед аварией двигались с невысокой скоростью, так что ничего серьезного со мной не произошло, если не считать затекшей шеи и смутной потребности кому-нибудь врезать.

Я приблизился к красному азиатскому внедорожнику, который только что в нас врезался. Его передние фары даже не треснули.

За рулем сидел крашеный блондин лет сорока с небольшим, явная жертва моды, в изогнутых солнцезащитных очках с такими темными стеклами, что я удивился, как он вообще видит небо, не говоря уже об автомобилях на дороге.

– Вы, наверное, слепой? – сказал я, кивая на его очки. Разумеется, я обратился к нему на «вы», произнеся «vous» вместо фамильярного «tu» или «toi», поскольку мы еще не были представлены друг другу.

– *Et toi?*[5] – прокричал он из-за поднятого стекла. Я простил ему эту фамильярность, поскольку был лет на двадцать младше. – Ты что, не знаешь про *priorité à droite*?

Раздраженно пыхтя, он повернулся к своей жене в рубашке-поло и их двум мальчишкам-сорванцам. Все они угрожающе уставились на меня. И я знал почему – став жертвой водителя-неумехи, я сорвал им расписание семейных каникул. Вероятно, они планировали позавтракать в Бургундии, пообедать в Лиможе, но никак не попасть в аварию в Коррезе.

– *La priorité à droite*? – уточнил я. Вот уж поистине самый тупой и самый опасный закон в западном мире. Это французы придумали, что автомобиль, который выезжает справа, имеет преимущественное право проезда. Ты можешь катить по тому, что называется главной дорогой и выглядит соответствующе, но если вдруг с какой-нибудь незаметной тропки выскочит машина и снесет тебе полкузова вместе с твоей семьей, в действиях водителя, которой даже не удосужился посмотреть по сторонам, не будет ничего противоправного, потому что он выехал справа. – На круге нет *priorité à droite*.

– На круге? – Француз спустил очки к кончику носа и огляделся, как будто только что заметил поросший травой островок безопасности рядом со своей машиной.

Судя по всему, он разглядел и круговую дорогу с четырьмя или пятью выездами в разных направлениях.

– Что за *merde*[6] эти круги, – произнес он со стоном, выражая отношение к круговому движению значительной части французов, которые, похоже, не знают, для чего предназначены кольцевые развязки. Может, чтобы обеспечить работой муниципальных садовников? – Это ведь английское изобретение, не так ли?

– Да. Мы придумали их в целях безопасности. Франция все-таки технологичная нация, поэтому мы не предполагали, что у вас возникнут проблемы с круговым движением. В конце концов, вы ведь даже умеете открывать устрицы. – Я рискнул ввернуть в свою шутку безумно трудное слово «huîtres»[7], и не зря, потому что эффект был достигнут.

---

[5] А ты? (*фр.*)

[6] Дерьмо (*фр.*).

[7] Устрицы (*фр.*).

– *Et vous, vous êtes anglais*[8], – подала гневный голос мужеподобная супруга француза, склонившись к рулю. По крайней мере, она обратилась ко мне на «вы». – Вы, англичане, понятия не имеете, как ездить справа, – прибавила она с неприязнью.

– Ну, а у вашего мужа какие будут претензии? – спросил я.

Она схватила мужа за руку и что-то яростно зашептала ему на ухо. Он кивнул.

Я догадался о том, что она ему сказала, лишь когда он включил зажигание и резко сдал назад. Две машины разъединились, как взмокшие любовники после соития. В следующее мгновение внедорожник аккуратно развернулся и укатил прочь туда, откуда появился.

Пока он набирал скорость, я успел запомнить номера и, что совершенно бесполезно, физиономии длинноволосых мальчишек, которые ухмылялись мне сквозь заднее стекло. Папа только что стал лихим героем их собственного роуд-муви[9]. Французы обожают роуд-муви. Только они говорят «ле род-му-ви».

– Что ты ему сказал? – спросила Флоранс.

– Ничего такого оскорбительного. Он, вероятно, думает, что я не знаю, как заявить на него, потому что я англичанин.

– Да, и к тому же после ланча его кровь, скорее всего, наполовину состоит из вина, – сказала она.

Я присмотрелся к вмятине на машине. Уродливый красно-голубой рубец был бы не так страшен, если бы удар не пришелся на заднюю колесную арку, из-за чего разорвалась покрышка, которая теперь со свистом прощалась со своей короткой, но насыщенной атмосферами жизнью.

И речи не могло быть о том, чтобы я смог самостоятельно поменять колесо. Нам пришлось вызвать эвакуатор.

Мы сдвинули машину к обочине и уселись в высокой траве, разглядывая поля подсолнечника, простиравшиеся до самого горизонта. Я никогда еще не видел в одном месте столько подсолнухов. Мне всегда казалось, что они растут поодиночке, словно часовые, охраняя палисадники. Но здесь полчища этих высоких растений создавали полную иллюзию, будто на планету Земля высадилась армия анорексичных зеленых инопланетян.

– Ты действительно в порядке? – спросил я. – Не ушибла голову или, может, что-то еще?

– Нет. Впрочем, было бы неплохо, если бы ты помассировал мне шею. – Флоранс улыбнулась и провела длинным пальцем от своего уха вниз, к гладкому голому плечу, любоваться которым позволяла футболка без рукавов. Еще с самого первого раза, когда мы оказались в одной постели, меня поразила невероятная гладкость кожи Флоранс, как будто свои подростковые годы она отмокала в кокосовом молоке. Она была наполовину индианкой – ее отец был тамилом с вулканического французского острова Реюньон, что рядом с Мадагаскаром, – и ее тело идеально сочетало в себе французскую устойчивость и индийскую гибкость.

Она спустила бретельку черного бюстгальтера и кончиками пальцев надавила на мышцу чуть выше ключицы.

– Тебе придется поцеловать меня вот *сюда.* – Она застонала, нащупав больное место, и закатила глаза.

Все это звучало многообещающе.

До тех пор, пока она не объявила о том, что мы собираемся остановиться у мамы.

---

[8] А вы, вы ведь англичанин (*фр.*).

[9] Роуд-муви – буквально «дорожное кино» (от англ. *road movie*).

Garagiste[10] прибыл через полчаса. Когда он услышал о том, что виновником был автомобиль с парижскими номерами (они оканчиваются на 75), он с особой радостью удостоверил на заляпанном техническим маслом бланке, что мы правы, а второй водитель незаконно покинул место аварии.

К тому же он замолвил за нас словечко перед двумя местными жандармами, которые приехали расследовать происшествие. Они выглядели напряженными и усталыми в своих обтягивающих брюках и старомодных кепи. Была первая суббота июля, когда большой процент французского населения, вкупе с внушительным стадом иностранных туристов, мигрировал на юг через всю страну. Подогретые выпивкой, раздраженные, заблудившиеся, отвлекаемые своими отпрысками, которых тошнило, плохо закрепленным багажом и телефонными звонками, миллионы водителей, заполонившие *autoroutes*[11], в ближайшие два дня обещали побить рекорд по количеству аварий за полгода.

Так что когда двое молодых жандармов увидели, что в нашем случае наличествуют лишь вмятина и сбежавший водитель, они наспех составили протокол и укатили в своем голубом фургоне.

Наше прибытие к *Maman* не вызвало никакого ажиотажа, хотя, как я полагаю, ее дочь никогда еще не являлась на побитом оранжевом эвакуаторе.

Флоранс открыла низкую белую калитку, и мы вошли в безлюдный сад. Справа была заросшая лужайка, окруженная старыми фруктовыми деревьями. Я разглядел птиц, деловито поклевывающих крупные ярко-красные вишни. Прямо перед нами высился каменный сарай под шиферной крышей с зеленоватой каймой изо мха. Слева стоял дом, одноэтажная конструкция из молочно-бежевого камня, совершенно такого же цвета, как у корочки созревшего сыра «Сен-Нектар». Ставни, окрашенные в черно-серый цвет, в тон крыши, были закрыты все до одной, как и входная дверь.

– У них сиеста, – прошептала Флоранс. – Подождем, пока они проснутся.

Здесь и в самом деле ты ощущал себя в самом сердце континента. Если не считать случайных порывов ветерка, воздух просто висел, искрясь и закипая на солнце. Густой листвы и низких веток вишни не хватало для уютной тени, так что мы отправились в сарай за зонтиком.

Поскольку мы вдруг оказались вне поля зрения, у меня родилась идея.

Флоранс прочитала мои мысли.

Ну, может, я и дал ей легкий намек, обняв за талию и прижавшись лицом к ее шее.

Она дернулась, выскользнув из моих рук:

– Нет, Пол, это неудачная идея. Смотри сам. Тут кругом поленницы из дров, да и пол земляной. *Ce n'est pas pratique*[12]. – Некоторые девушки становятся чертовски практичными, как только оказываются в зоне досягаемости своих матерей. – Бери зонтик, – сказала она. – А я принесу пляжное полотенце, чтобы мы могли расположиться на траве. – Она повернулась к залитому солнцем выходу, но вдруг замерла и тихо выругалась.

– Что такое? – спросил я.

– Мы оставили багаж в машине.

– О, *merde*[13].

---

[10] Владелец станции техобслуживания автомобилей (*фр.*).

[11] Автострады (*фр.*).

[12] Это непрактично (*фр.*).

[13] *Здесь*: О, черт (*фр.*).

2

К тому времени, как мы отыскали номер телефона хозяина автомастерской, а потом, перекрикивая шум, доносившийся с места очередной аварии, объяснили ему свою проблему и узнали о том, что наша машина благополучно заперта в его гараже и что лично он не собирается мчаться туда, только чтобы достать какие-то сумки, из дома донеслись звуки, похожие на признаки жизни.

Маленький мальчик с рыжевато-каштановыми волосами, в голубых плавках, выбежал в сад и увидел нас, улегшихся под зонтиком.

– Фло! – взвизгнул мальчик.

– Мой племянник, – объяснила Флоранс. – Симен, сын моей сестры.

«Странные у них тут в провинции имена», – подумал я.

Мальчишка плюхнулся на траву, чтобы обнять тетю, при этом с подозрением оглядывая меня.

– Он маленький, – сказал он.

– Симен! – укоризненно произнесла Флоранс, как будто ее племянник указал на физический недуг, о котором неприлично упоминать вслух.

Я не придал значения его словам. В конце концов, при моих шести футах у меня нет пунктика насчет роста. К тому же я был одет в мешковатые шорты, так что вряд ли малец мог комментировать прочие особенности моего телосложения.

– *Bonjour. Je suis Paul*[14]. – Я протянул парнишке руку. Это лишь усилило его подозрительность.

– Он разве не хочет поцеловать меня? – спросил он у Флоранс.

– Он англичанин, – ответила она.

Казалось, это вполне объяснило все странности, связанные со мной, и мальчик – я уже догадался, что на самом деле его звали Симон, – отстранился от своей тети и чмокнул меня в обе щеки.

– Но все-таки он маленький, правда? – прошептал он Флоранс.

Она неодобрительно фыркнула и спросила:

– Где бабушка?

– Еще храпит.

– А Мишель здесь? – поинтересовалась Флоранс. Мишель – это ее старший брат, я о нем уже был наслышан, но встречаться нам не доводилось.

– *Oui*. Но он *никогда* не встает с постели.

Мы прошли в кухню, желая промочить горло. Маленький Симон крутился возле Флоранс, словно щенок, которого по крайней мере два дня не выводили на прогулку. Но при этом он постоянно косился на меня, будто боялся, что я могу стащить его любимую игрушку. Все-таки было во мне что-то, что его беспокоило.

Прохлада кухни принесла облегчение после солнцепека в саду. Каменные плиты пола приятно холодили ступни. Я откупорил пузатую бутылку пива «Kanterbräu» и с жадностью осушил ее, чуть ли не залпом. На пояснице конденсатом выступили капли пота.

Удовольствие сменилось шоком, когда я сел за длинный обеденный стол и разбил оба колена.

– Ах да, я забыла тебя предупредить, – сказала Флоранс. – Будь осторожен, когда садишься за этот стол.

---

[14] Здравствуй. Я – Пол (*фр*.).

Я встал (колени, как я обнаружил, были целы, разве что помяты, как машина) и внимательно оглядел стол.

Длиной футов в десять, из темного дерева, он казался вполне нормальным по высоте. Но под исцарапанной столешницей располагались глубокие ящики, ограничивая пространство для ног, так что только лилипут мог с комфортом отобедать за таким столом.

– Это традиционный коррезский стол, – объяснила Флоранс. – Мой прадед сам его сделал, когда построил дом.

– А у него что, ног не было?

– Да были, конечно. Просто у нас не осталось стульев его работы. Они тоже были очень низкими.

– А вы не можете подпилить ножки у этих стульев? – Я жестом изобразил ампутацию. – Или добавить несколько сантиметров ножкам стола?

– О нет, *Maman* это не понравится.

Маленький Симон вдруг опять прижался к Флоранс.

– Он хочет распилить наши стулья? – с ужасом спросил он.

– Нет, нет, – заверила племянника Флоранс. И посмотрела на меня: – Все нормально, Пол, ты быстро привыкнешь сидеть за столом боком.

– *Ma chérie!*[15]

В кухню быстро вошла женщина. На ней было коричневое платье-кафтан, а потому не представлялось возможным угадать, была она тощей, как селедка, или такой же грузной, как ее обеденный стол. Она бросилась к Флоранс и звучно поцеловала ее в обе щеки. Пока они стояли, обнявшись, я успел заметить, что мадам Фло-старшая была очень фигуристой для своего комфортного пятидесятилетнего возраста.

– *Maman, je te présente Paul*[16].

Maman повернулась ко мне. Я улыбнулся ей, всем своим видом воплощая благодарность юноши к женщине, выносившей его возлюбленную.

Мать Флоранс тепло улыбнулась в ответ и положила руку мне на плечо, чтобы я приблизился и она смогла поцеловать и меня. При этом я заставлял себя не думать о том, что пышный бюст тещи касается моей груди.

– *Enchanté, Madame. Vous allez bien?*[17]

– Можешь звать меня Бриджит, – сказала она, побуждая меня сразу же перейти на «ты». – *Qu'il est mignon!*[18] – прибавила она со смехом и снова поцеловала меня в щеку. *Mignon*, насколько мне было известно, означает «прелестный». Впрочем, этим же эпитетом обычно награждают морских свинок.

Бриджит была миниатюрной и грациозной, как и ее дочь, но совсем не походила на индианку. Ее волосы, подстриженные густым бобом, были темно-рыжими – в такой цвет красятся брюнетки, скрывая седину, – а кожа была очень светлой. Она улыбалась так же жизнерадостно, как и Флоранс, у нее были такие же смеющиеся глаза, и вообще она излучала вселенскую любовь к человечеству.

И я не думаю, что *все* это было заслугой прозака.

Мы обменялись сжатыми резюме. Она работала учительницей начальных классов, an institutrice, в школе в пригороде Тура. Я отрекомендовался как будущий владелец английской чайной.

---

[15] Моя дорогая! (*фр.*)

[16] Мама, познакомься с Полом (*фр.*).

[17] Очень рад, мадам. Как поживаете? (*фр.*).

[18] Он прелесть! (*фр.*)

– *Ah oui, Maman*[19], – вмешалась Флоранс. – Я увольняюсь, хочу работать в чайной.

– Что?

Я вдруг стал выглядеть не таким уж *mignon*. Нетрудно было догадаться, что из безобидного экзотического бойфренда я разом превратился в источник тлетворного влияния, убедив бедную дочурку мадам отказаться от гарантированного заработка. Вселенская любовь испарилась, уступив место нескрываемому осуждению.

– *Oui, Maman, mon boulot me faisait chier*. – Флоранс заявила, что от этой работы у нее понос, как будто офисные работники в большинстве своем предпочитают мучиться запорами.

Она объяснила, что ее компания внедряет «plan social»[20], предлагая сотрудникам выплату годового заработка или ранний выход на пенсию. Даже в условиях спада французской экономики людей редко вышвыривают на помойку. Так что Флоранс приняла предложение работодателей и теперь собирается вместе со мной трудиться в *salon de thé*[21].

– Ну, а что ты будешь делать в этом *salon de thé*? Станешь официанткой? Для этого ты училась на бухгалтера? – Бриджит печально улыбнулась мне, словно давая понять, что вовсе не имеет в виду, будто ее дочь слишком хороша для меня. Даже при том, что так оно и есть.

– Это маленький бизнес, *Maman*, мы сами будем делать все. Знаешь, Пол возглавлял маркетинговую службу в крупной компании, но оставил ее ради того, чтобы открыть собственный чайный салон.

Бриджит прислонилась к полированной каминной полке и оглядела меня: небритый иностранец в футболке с потускневшим британским флагом и во вьетнамках явно не тянул на главу чего-то серьезного, разве что международной ассоциации бездельников, ошивающихся на пляжах.

– Во французской компании?

– Да, – кивнула Флоранс, – а еще раньше – в английской.

– Хм… – По какой-то необъяснимой причине эта информация в некоторой степени впечатлила Бриджит. – В Лондоне?

– Да, *Maman*, в Лондоне.

– Говорят, это самый дорогой город мира.

– Да, это так, но, к счастью, зарплаты пропорциональны ценам, – заметил я и выпрямился в полный рост, рискуя набить шишку об низкие потолочные балки.

Maman подошла к холодильнику и достала большой стеклянный кувшин, наполненный розовой пеной.

– Будешь клубничный сок? – спросила она меня.

– Клубничный сок?

– Да, у нас так много клубники, что не знаем, куда ее девать. Я взбиваю ягоды миксером, добавляю немного воды, сахара, лимонного сока – и *voilà*[22].

– Мм… это должно быть *délicieux*[23], – сказал я, думая о том, что «сок» больше похож на пюре из овечьих мозгов.

Мы сели за стол, вывернув колени в сторону, и выпили по бокалу розовой слизи, которая к тому же застревала в зубах. Маленький Симон был единственный, кто с удобством расположился за столом. Остальные были похожи на трех Белоснежек, присевших на корточки для общения с гномами.

---

[19] Ах да, мама (*фр*.).

[20] План социального развития (*фр*.).

[21] Чайный салон (*фр*.).

[22] Вот (*фр*.).

[23] Вкусно (*фр*.).

– Ну и где же находится этот *salon de thé*? – спросила Бриджит с едва заметной агрессией.

– Рядом с *Champs-Elysées*[24], – сказал я.

– Должно быть, аренда очень дорогая.

– Я договорился о хорошей цене.

– И когда вы открываетесь?

– *A la rentrée*, первого сентября, – сказал я.

– Да, *Maman*, над проектом работает Николя, – вставила Флоранс. – Ты помнишь Николя?

– О да, Николя, он был такой *mignon*! – томно вздохнула Бриджит.

Я задался вопросом, насколько близко она знакома с архитектором, надзирающим за ремонтом в моей чайной. Флоранс рекомендовала мне его как молодого архитектора, который возьмется работать за приемлемую плату по той простой причине, что он был «мальчиком, с которым я училась в школе». Парижанки сплошь и рядом окружены «мальчиками, с которыми учились в школе», ведь мало кто из них уезжает из Парижа учиться дальше или искать работу. Вопрос, разумеется, в том, как далеко они зашли в своей школьной дружбе.

Этот Николя был довольно симпатичным парнем, если вам нравятся высокие, бледнолицые, артистические натуры в безукоризненном «кэжуал» от ведущих дизайнеров и с гипертрофированным самомнением.

Конечно, для меня было большим утешением знать, что друг Флоранс взял на себя все, к чему я был не способен с чисто лингвистической точки зрения: получение разрешения на строительство, согласование расценок, закупка материалов, поиск рабочих. Но все-таки вопрос о его месте в сексуальном резюме Флоранс прочно засел в моем мозгу. Все-таки одно дело, когда ты нанимаешь знакомого тебе архитектора, и совсем другое, когда трудоустраиваешь экс-бойфренда своей девушки.

Я сделал мысленную пометку позвонить Николя в уик-энд, чтобы убедиться в том, что все будет готово к утру понедельника, когда должны явиться ребята с кувалдами и уничтожить все улики, указывающие на то, что прежде в помещении располагался обувной магазин.

– Он был очень большой, этот Николя? – спросил маленький Симон.

– Замолчи, Симон! – приказным тоном произнесла Бриджит и улыбнулась мне, словно говоря: «Не обращай на него внимания, он просто глупый».

– Вел кам, вел кам!

В дверном проеме гостиной, пригнувшись и скаля зубы, стоял человек примерно моего возраста и похожих габаритов. Это был Мишель, старший брат Флоранс.

Как и у Флоранс, в жилах его текла идеальная смесь из французской и индийской крови; кареглазый, с длинными конечностями, Мишель являл собой этакого мужчину *latte*[25]. В отличие от сестры, тело его было покрыто густой растительностью, что компенсировалось тенденцией к ранней лысине, которую он пытался скрывать, стягивая волосы в короткий конский хвост. Мишель не надел рубашку, так что я мог увидеть намечающийся пивной живот, а его шорты были еще более мятыми, чем мои. Я догадывался, что он в них и спал.

Он поцеловал Флоранс и схватил мою руку, с любопытством и жалостью одновременно вглядываясь в парня, который спал с его сестрой.

Отмахнувшись от предложенного сока из овечьих мозгов, он прошел к холодильнику, достал бутылку газированной воды «Бадуа» и с жадностью ее ополовинил, задыхаясь от щекочущих нос пузырьков.

---

[24] Елисейские Поля, улица в Париже.

[25] Кофе с молоком (*фр.*).

– Мишель, эта бутылка для всех, – заметила Бриджит, и он рассмеялся – вылитый ребенок, который не привык слушать то, что говорят родители.

Я вместе с Флоранс рассказал о нашей аварии, и Бриджит объявила: раз мы проведем в Коррезе несколько дней, мы вполне сможем помочь ей по хозяйству. Похоже, о каникулах в ее загородном доме можно было забыть. Оказывается, все вокруг сыпалось, гнило или поедалось паразитами. Во мне шевельнулось дурное предчувствие.

Мне на выбор было предложено несколько вариантов времяпрепровождения в Коррезе. К сожалению, послеполуденная дрема в объятиях Флоранс среди них не значилась. Зато можно было собирать салат, редис, кабачки или клубнику, очищать ото мха крышу сарая или копать.

– Вы строите бассейн? – спросил я. Дело в том, что я уже успел заметить большую яму, выкопанную на склоне позади сарая.

– Нет, это будет канава для септика, – объяснила Бриджит.

– Для чего?

– Ну знаешь, такой резервуар для… в общем, понятно…

– Для кака и пипи, – хихикнул Симон.

– У вас разве нет туалета? – удивился я, предвидя ранние утренние пробежки с целью удобрения зеленых насаждений.

– Да есть, конечно, только он старомодный.

– Старомодный? – Выходит, проблема в том, чтобы установить последнюю модель септика?

Объяснять взялась Флоранс, в то время как Бриджит напряженно вслушивалась. Судя по всему, для нее это был болезненный вопрос и она принимала его слишком близко к сердцу.

Вскоре я уже был в курсе того, что все дома в коммуне имеют септики, но ни один из них не соответствует «aux norms» – иначе говоря, современным строительным нормам. Выходит, заполнять городские окраины огромными рекламными щитами и уродовать промзонами считалось в порядке вещей, но вот иметь септик ненадлежащего размера закон запрещал.

В коммуне Бриджит септики представляли собой кирпичные бункеры в саду, где веками эффективно перегнивали продукты жизнедеятельности. Однако с появлением стиральных и посудомоечных машин многие стали выкачивать теплую воду из своих домов прямиком в придорожные канавы, превращая окрестности в субтропические сады, и муниципалитеты уже не могли контролировать это буйство. И вот местный мэр получил региональный грант на оборудование больших современных септиков, способных накапливать сточные воды.

– Разве они не обязаны выкопать для вас яму? – спросил я.

– Да-да, но… – Бриджит содрогнулась.

– *Maman* опасается, что они повредят водопроводные трубы или корни каштана, – объяснила Флоранс.

– Ха! – произнес Мишель. – Просто она не хочет, чтобы чужие мужики копались в ее…

– Мишель! – Бриджит вспыхнула, и ее щеки обрели цвет клубничного сока.

– Как бы то ни было, – продолжила Флоранс, – *Maman* хочет, чтобы мы сами выкопали яму.

– Пожалуй, я предпочел бы собирать кабачки, – заметил я.

– Хорошо, покопаешь завтра, – согласилась Бриджит. – Но учти, что нужно копать очень осторожно, чтобы не пробить старый бак.

Короче говоря, мои французские каникулы ожидало в прямом смысле дерьмовое начало.

3

Я уже успел заметить три или четыре грядки кабачков на заднем дворе и прикинул, что ободрать их займет у меня не больше пяти минут, после чего Флоранс сможет провести для меня экскурсию по дому с финалом в уединенной спальне.

Мы с ней еще находились на той ранней стадии отношений, когда постоянно ощущается потребность прикасаться друг к другу. Когда стоит лишь коснуться кончиками пальцев кожи возлюбленной, как другие части тела в унисон заявляют, что тоже хотели бы поучаствовать в этом процессе. Пожалуй, это не самое лучшее время для того, чтобы гостить у тещи.

И вот сейчас от ослепительного солнца, буйной зелени и созерцания обнаженных округлостей Флоранс (она отыскала в шкафу бикини) у меня ломило всю нижнюю часть тела.

Настоящим ударом под дых стала для меня новость о том, что кабачки, которые я должен собирать, растут вовсе не на маленьком огороде за домом. До них было идти минут десять по тропинке через лес. Хуже того, Флоранс не разрешили сопровождать меня, поскольку ее запрягли перерабатывать утренний урожай вишни в клафути – что-то вроде фруктового пирога исполинских размеров.

Мне выдали старую соломенную шляпу, которую отказался бы напяливать и осел по причине ее дряхлости, и пару гигантских резиновых сапог, наказав не возвращаться, пока не наберу полную бельевую корзину кабачков.

На всякий случай, чтобы убедиться в том, что я знаю, с чем мне придется работать, Бриджит вышла из кухни и выдала мне образец.

– *Voilà*, вот что мне нужно, – сказала она.

– Да, кабачки. – Я с умным видом кивнул на овощ, и по форме, и по раскраске явный кабачок.

– Некоторые городские жители путают их с огурцами.

– Только не я, ведь я уже пять лет работаю в пищевой индустрии.

– А… но не думаю, что ты завариваешь чай из кабачков, – сказала Бриджит и, твердо поставив меня на место, изящно повернулась на носке одной ноги и вернулась в кухню.

В этот момент, должен признать, меня впервые пронзила мысль о матереубийстве.

На самом деле было забавно пару часов поиграть в крестьянина.

В какую бы глушь ты ни забрался на юге Англии, город всегда напомнит о себе либо промчавшимся мимо внедорожником, либо шумной компанией яппи на горных велосипедах. Но только не здесь, в Коррезе. Огород представлял собой полосу пахотной земли длиною примерно сто и шириной десять ярдов посреди средневекового запустения. На покатом склоне холма выделялась залитая солнцем поляна, окруженная огромными покосившимися каштанами. Даже проржавевший каркас брошенного фургона выглядел так, будто пролежал здесь сотни лет. Это был винтажный образец французского фургона из рифленого железа, и сейчас он мирно разлагался обратно в железную руду; молодые деревца прорастали через него, и он подгнивал вместе с деревянными ящиками для овощей на месте лобового стекла.

Когда я хлебнул воды из захваченной с собой бутылки, мой глоток был единственным человеческим звуком в этом мире. Гудели насекомые, вскрикивали птицы, шуршали кроны деревьев, но уж точно никто не разъезжал на машинах поблизости. Не могу сказать, что это было так же восхитительно, как погружение в Средиземное море или восхождение на Флоранс, но перспектива провести день в одиночестве в самом сердце Франции казалась не такой уж мрачной.

Хотя я был на огороде совершенно один, наполняя корзину кабачками, я ощущал себя частью семьи. У каждого было свое задание, и я, к примеру, отвечал за поставку овощей. За все эти десять месяцев, прожитых во Франции, никогда еще я в такой степени не чувствовал себя как дома – ни тогда, когда переехал в квартиру Флоранс неподалеку от кладбища Пер-Лашез, ни тогда, когда впервые научился протискиваться без очереди к столику в парижском кафе. Сейчас я был одним из несметных тысяч парижан, вкушающих тихие прелести крестьянской жизни в семейном загородном доме. Испытывал я при этом глубокое удовлетворение.

Это был самый продуктивный огород, который я когда-либо видел: кабачки прятались за грядками картофеля, томатов, зеленой фасоли, баклажанов, редиса, свеклы (как я думаю), моркови, огурцов, салата трех видов, клубники, за кустами малины и черной смородины, за грушевым деревом и тем, что я принял за миндаль. На огороде нашлось место даже для маленькой смоковницы, дерева с изогнутыми упругими ветвями, миниатюрными неспелыми плодами и листьями, какие мы все видели на картинах. Тот парень, который первым выбрал фиговый лист, чтобы прикрыть свое мужское достоинство, попал в точку – вытянутая центральная лопасть листа выглядит один в один как повисший член. Хотя размером своих яичек он явно прихвастнул.

Но вот чего я не знал про фиговое дерево, так это то, что оно вкусно пахнет, когда на его листья падает солнце. Дерево источает такой сладкий аромат инжира, что хочется сесть, прислонившись спиной к стволу, и ждать целый месяц, пока плоды созреют и их можно будет есть.

Кабачки оказались на удивление колючими, да еще и росли предательски близко к земле. Поэтому, как только у меня начинало ломить спину, я просто вставал и совершал набеги на ягодные растения.

Здесь, на юге, в начале июля на кустах малины оставалось лишь несколько килограммов ягод, так что я быстро управился с ними, после чего перешел к другим грядкам, где меня поджидали тонны клубники. Одно я мог сказать наверняка: если бы я свалился замертво, изнуренный жарой и усталостью, уже через день мое тело утопало бы в цветах.

Когда я, еле волоча ноги, вернулся в сад с полной корзиной кабачков, Флоранс расставляла бокалы на длинном тиковом столе у стены дома.

– На *apéritif* придут соседи, – объяснила она.

– Надо бы мне быстренько принять душ, – сказал я. – Кстати, ты меня проводишь… ну, ты понимаешь? – Я сопроводил фразу «ты понимаешь?» многозначительным движением бровей, имея в виду, что Флоранс все понимает.

– Я покажу тебе, как он работает, – раздался голос Бриджит, которая появилась, нагруженная бутылками с алкоголем. – Там есть одна хитрость.

Я с укоризной посмотрел на Флоранс, но она, как солдат миротворческих сил ООН, лишенный права вмешиваться в гуманитарный конфликт, лишь пожала плечами, оставляя меня на волю судьбы.

– *Allez*[26], Поль! – Бриджит уже стояла в дверях кухни. – Они будут здесь через десять минут.

Это был мой первый день в детском саду. Урок первый: вот это кабачок. Урок второй: поход в ванную.

[26] Пошли! (*фр.*)

Интересно, дело во мне или действительно каждая душевая установка в мире имеет свою дьявольскую хитрость? Не потому ли мы, британцы, на протяжении многих веков предпочитали ванны, прежде чем решили, что больше не хотим мыть голову в раковине?

С ванной все гораздо проще: все, что от тебя требуется, это наполнить ее водой. Если слишком горячо, добавляешь холодной воды. Пользуясь же чужим душем, приходится проявлять чудеса изворотливости, чтобы добиться нужной температуры струи. И почему сделать это вдвойне труднее, когда попадаешь в ванную матери твоей девушки?

– Включи воду, и пусть она стекает минуты две, – объяснила Бриджит, склоняясь над глубоким душевым поддоном и указывая на смеситель. – Это водонагреватель «Бутагаз», так что нужно подождать, пока теплая вода поступит с кухни. *D'accord?*

– *D'accord*. – Это французский вариант «о'кей».

– Не меняй температуру, иначе через две минуты окоченеешь от холода или сваришься заживо. *D'accord?*

– *D'accord*.

– И не включай на полную мощность, иначе шторку выбьет из поддона и замочится пол.

– *D'accord*. – Десять минут, выделенные мне на посещение душа, стремительно истекали, и я чувствовал, что мне предстоит выйти к соседям в коконе из пыли и пота.

– Прежде чем включать воду, опусти шторку в поддон.

– *D'accord*.

– И не затыкай сливное отверстие пробкой, иначе останутся пятна.

Я поймал себя на том, что мой язык уже отказывается произносить «d'accord». И молча кивнул.

– И когда помоешься, полностью выключи воду.

Я снова попытался кивнуть, но голова сдвинулась лишь на миллиметр. Похоже, тело начинало бастовать.

– И не поворачивай кран слишком сильно, иначе его заклинит.

Все, что я смог сделать, это повести глазами вверх-вниз в знак согласия.

– И когда будешь вытираться, стой на коврике, иначе оставишь мокрые следы на полу.

Я был на грани срыва. Еще одна инструкция – и моя голова точно отвалилась бы.

– *D'accord?* – спросила она.

– Полотенце? – позволил себе пискнуть я.

– Возьми вон то, голубое. А потом, когда вытрешься, повесь его сушиться на веревку, а то заплесневеет от сырости. *D'accord?*

Я улыбнулся, не только подтверждая, что все понял, но и от внезапно пришедшей в голову идеи повеситься самому на той же бельевой веревке, вырвавшись тем самым из этого учебного лагеря для новобранцев, где командовала французская мама.

4

Душ успокоил нервы, и я чувствовал себя в ладах с окружающим миром, когда появился в саду спустя четверть часа.

– А! – раздался громкий коллективный возглас радости, словно я был гостем, который принес единственную бутылку.

– Это Пол, – объявила Бриджит в свойственной французам манере произносить мое имя так, будто я имел отношение к лидеру «красных кхмеров»[27].

– *Bonsoir*[28], – произнес я.

За столом восседали мама, брат и племянник Флоранс, сама Флоранс и пожилая пара; старик со старушкой широко улыбались и приветствовали меня, подняв огромные бокалы с «Перно»[29].

Мне представили гостей как Анри и Жинетт, давних хозяев соседней фермы. Я предположил, что они муж и жена, но выглядели они такими одинаковыми, что вполне могли оказаться и братом с сестрой. А спросить, как мне показалось, было невежливо. У них были беззаботные лица состарившихся детей, а шишковатые руки хранили следы грязной и неблагодарной работы, какой на семейной ферме невпроворот. Мне стало любопытно, не составят ли они мне компанию в завтрашнем мероприятии по рытью выгребной ямы.

– Что будешь пить? – спросил Мишель.

Анри и Жинетт дружно воскликнули: «Eh oui!»[30]. Алкогольные пристрастия иностранца вдруг стали самой волнующей темой по эту сторону Ла-Манша.

Я затруднялся с выбором, поскольку названия на этикетках половины бутылок ни о чем мне не говорили. Что это за «Suze» и «Banyuls»?[31] Я решил рискнуть – в конце концов, надо же ассимилироваться.

– Попробую «Сюз».

Такого бурного смеха не вызывал ни один анекдот из тех, что я рассказал за этот год. Даже маленький Симон присоединился к всеобщему веселью.

– Это напиток для женщин, – сказала мне Флоранс по-английски.

– «Бон-юул»? – предпринял я новую попытку, и снова раздался хохот, на этот раз вызванный моим произношением.

– «Бань-юль-сс», – поправил меня Мишель и налил мне полпинты того, что на вкус оказалось креплеными вином наподобие портвейна.

Как бы то ни было, этот выбор, казалось, удовлетворил всех, и, когда я произнес тост, пожелав присутствующим доброго здоровья, они дружно подняли бокалы. Мы чокнулись, твердо глядя друг другу в глаза, как положено. Во Франции этот зрительный контакт чрезвычайно важен. Говорят, что, если им пренебречь, сексуальная жизнь в последующие десять лет будет невыносимой. Даже Анри с Жинетт обменялись взглядами, из чего можно было сделать вывод, что у них есть еще порох в пороховницах.

На столе красовались закуски, обычно подаваемые к аперитиву: оливки, пшеничная фигурная соломка, чипсы, орешки, тарелка с редисом, который нужно было сдабривать

---

[27] Имеется в виду Пол Пот (1928–1998) – премьер-министр Камбоджи, который являлся одним из лидеров крайне левого режима «красных кхмеров», проводившего геноцид своего народа.

[28] Добрый вечер (*фр*.).

[29] «Перно» (*Pernod*) – легендарный французский анисовый аперитив.

[30] Да, в самом деле! (*фр*.)

[31] «Сюз» (*Suze*) – аперитив с горьковатым вкусом, биттер. «Баньюльс» (*Banyuls*) – руссильонское вино.

кусочком сливочного масла. Я быстро заморил червячка. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как я закинул в себя тот последний килограмм клубники.

Соседи по столу с благостным равнодушием улыбались мне, пока Бриджит объясняла, что мы с Флоранс собираемся открыть в Париже английскую чайную. У меня сложилось впечатление, что с таким же успехом она могла сказать, что речь идет о массажном салоне на Юпитере. Париж? Английская? Чайная?

– *Parisiens* в самом деле любят английский чай? – спросил старик Анри. Слово «парижане» он почему-то произнес как «паризьянг».

– Надеемся, что да, – сказал я и спровоцировал еще один взрыв смеха. Судя по всему, здесь, в провинции, остро ощущался дефицит анекдотов.

– У нас тут иногда бывают паризьянг, – сказала Жинетт, словно речь шла о диарее.

– Они арендуют дом старой Ивонны, – прибавил Анри, возбуждая дискуссию о том, от чего все-таки умерла старая Ивонна (от рака, инфаркта или от своего самогона?), кто из ее сыновей ныне владеет домом, кто его все-таки выстроил, когда в последний раз ремонтировали крышу и кого нанимали, где покупали шифер, как счищать мох с кровли (тут Бриджит многозначительно посмотрела на меня).

Анри завершил дебаты, сказав:

– Они жалуются, что здесь нет этой моечной штуки. Как вы их называете?

– *Lave-vaisselles*, – ответила Бриджит. – Посудомоечные машины.

– *Oui*. Паризьянг жить не могут без этих *lave-vaisselles*.

– И мы совсем недавно купили, – сказала Жинетт, но не назло Анри, а просто констатируя факт.

– Да, но мы здесь живем, – заметил Анри.

– *Ah, oui!*[32] – Все согласились с этим его умозаключением и продолжили беседу, обмениваясь новостями о дальних родственниках, которые умерли или переехали жить в город, рассуждая о спиленных деревьях, об установленных септиках, о том, какие овощи пострадали в этом году от вредителей, когда за последние двадцать лет было особенно много слизней, и о том, не добавляла ли старая Ивонна слизней в свой самогон.

Я сидел, ощущая полное умиротворение, и вглядывался в открытые и добродушные лица французов, вслушиваясь в милый неторопливый разговор и млея от сознания того, что нахожусь так далеко от дома, но ощущаю себя своим в этой маленькой общине.

Мир становился оранжевым, а потом и розовым, по мере того как заходило солнце, а алкоголь подкрадывался все ближе к зрачкам. К восьми часам я не только насытился, но еще и набрался порядочно.

– За стол, – объявила Бриджит. Что, время ужина? Все, чего мне хотелось, так это немного отдохнуть, прежде чем начнется похмелье.

Анри и Жинетт отправились домой – судя по всему, их приглашали на аперитив, но не на ужин. Остальные потянулись в дом, где, неудобно усевшись за столом, принялись поглощать внушительные порции жареной свинины, зеленой фасоли, кабачков, салата, сыра, свежей клубники и вишневого клафути, запивая все это дешевым красным вином в таких количествах, какого хватило бы, чтобы свалить с ног целую команду по регби.

В десять часов за окном уже было темно хоть глаз выколи, и, казалось, осталось выбрать лишь одно из двух – зависнуть овощем перед телевизором или отправиться в постель. Но я точно знал, какой вариант для меня предпочтительнее.

– Я помою посуду, – сказала Бриджит. И тут же все испортила, прибавив: – Анри и Жинетт ждут тебя, Пол.

---

[32] Ах, да! (*фр.*)

– Они ждут меня? Для чего? – О нет, подумал я, только не это: «Ты не будешь спать с моей дочерью под крышей моего дома, пока не женишься». Однажды я уже сталкивался с подобной проблемой, когда соблазнял дочь священника, но то было в Данди[33], а теперь-то я во Франции.

– Их поле, – сказала Бриджит.

– Их поле? – Мне что же, спать на улице?

– Пошли. – Флоранс стащила меня со стула. У меня было такое ощущение, будто в течение нескольких последних часов мой вес утроился, хотя я с радостью отметил, что обильная еда, похоже, всосала в себя почти весь алкоголь.

Флоранс вывела меня в непроглядную темень и увлекла по тропинке в сторону видневшегося вдали силуэта соседней фермы.

Если не считать мотыльков, порхающих в луче фонарика Флоранс, мы были единственными движущимися существами во всей вселенной. В такой тьме я еще никогда не оказывался. Даже свет в окне дома Анри и Жинетт казался далекой звездой.

Кончиками пальцев касаясь голого плеча Флоранс, я вдруг вспомнил, что прошло почти двадцать четыре часа с тех пор, как мы в последний раз были в постели в ее квартире неподалеку от кладбища Пер-Лашез, – а целые сутки воздержания были для нас абсолютным рекордом на тот момент.

– Почему бы нам не сделать короткую остановку? – предложил я, изо всех сил стараясь скрыть просительные ноты в своем голосе. – Никто нас не увидит.

– *Non, imbecile*,[34] – заявила Флоранс. – Они нас ждут. Идем.

Она прибавила шагу, и мне пришлось энергично двигать опухшими нижними конечностями, чтобы не отставать.

Стоило нам толкнуть ворота и войти во двор дома Анри, как старикан тут же выскочил на улицу. Он включил нечто вроде противотуманной фары, и темноту прорезал длинный прямой луч белого света.

– Вы хорошо поели? – спросил он.

– Да, – сказал я. – *Et vous?*[35]

– *Très bien!*[36] Он был хорош, мой боров?

Анри объяснил, что за ужином нас угощали мясом его любимца. Борова звали Жермен, и, судя по всему, он был другом семьи, пока в прошлом году Анри не заколол его и не подвесил в палисаднике истекать кровью.

Анри увлек нас по тропинке в темноту и безмолвие. Ночная прогулка бодрила и, судя по тому, что ощущали мои голые ноги, была праздником для местных комаров. Я по-прежнему не мог понять, что мы здесь делаем.

Метров через сто Анри остановился и, описав круг лучом фонаря, изрек:

– *Voilà*[37].

Я смог разглядеть только некошеную траву и зловещие тени двух фруктовых деревьев.

– *Voilà?*

– *Voilà.*

– Это то самое поле, о котором говорил Анри, – пришла на помощь Флоранс.

– Красивое поле, – согласился я.

---

[33] Данди – город в Шотландии.

[34] Нет, тупица (*фр.*).

[35] А вы? (*фр.*)

[36] Очень хорошо! (*фр.*)

[37] Вот (*фр.*).

– В это время года здесь встречаются гадюки, но куры их отпугивают, – сказал Анри. – Сейчас они спят… – он изобразил спящую курицу на случай, если я вдруг не понял, – но вы сможете увидеть их завтра.

– Завтра? – переспросил я. И прибавил: – Отлично. – Похоже, меня все-таки не укладывали спать под открытым небом, и это радовало. Между тем никто до сих пор так и не объяснил, зачем понадобилось демонстрировать мне этот гектар травы посреди ночи.

О боже, только не это, подумал я, неужели в какой-то момент между двумя бокалами «Баньюльс» я предложил выкосить эту делянку?

Нет, скорее всего, это Бриджит предложила мои услуги. В конце концов, французы справедливо считают нас, британцев, экспертами по газонам.

Она определенно напрашивалась на то, чтоб ее грохнули.

– *Shoot!* – сказала Флоранс. Но это не было разрешением пальнуть из ружья в ее мать. Приложив палец к губам, она лишь потребовала тишины по-французски[38].

Мы вернулись в дом ее матери, где было тихо, если не считать приглушенного звука работающего в гостиной телевизора.

Она взяла меня за руку и повела в спальню. Все было точь-в-точь, как в мечте любого мужчины: красивая француженка ведет тебя в свой будуар. Ты различаешь лишь контуры огромной кровати возле стены. Не произнося ни звука, вы оба скидываете одежды и проскальзываете под прохладные простыни. Ваши губы ищут друг друга, и наконец в полной темноте вы сливаетесь в долгом страстном поцелуе.

А вот чего нет в этой мечте, – во всяком случае, применительно к моей ситуации, – так это голоса французского мальчика, который говорит: «Я не могу заснуть. Можно я лягу с тобой, Флоранс?»

Да-да, мы делили комнату с этим негодником.

– Нет, Симон, нельзя, и почему ты еще не спишь? – строго произнесла Флоранс.

Она, словно извиняясь, погладила меня по щеке и отвернулась. Кровать отозвалась громким скрипом. Я лег на спину, чтобы хандрить в одиночестве, но – о, чудо! – какая-то сила вернула меня обратно, прижав к Флоранс. Я попробовал еще раз. Нет, ничего не помогало – я снова оказывался посередине кровати. Видимо, происходило что-то сверхъестественное, и это явно не имело отношения к тому, что за день я прибавил в весе тонны четыре.

Объяснение все-таки нашлось: пружины матраса явно выработали свой ресурс и подпрыгивали примерно так же, как спущенный баскетбольный мяч. Как мы с Флоранс ни старались держать дистанцию, нас неудержимо бросало друг на друга, как пьяных в гамаке. Все это могло бы доставить массу приятных эмоций (в конце концов, мне вовсе не хотелось отстраняться от Флоранс), но кровать была настолько бесхребетной, что моя поясница провисала фута на два ниже, чем голова и ноги. Выходило так, что я лежал и сидел одновременно.

– Дай-ка угадаю, Флоранс, – прошептал я. – Это кровать твоего прадедушки, да?

– *Oui*, – ответила она. – Он на ней умер. Спокойной ночи.

[38] Игра слов. Английское слово *shoot* имеет значение «стрелять», а французское *chut* – «Тсс! Тише!».

5

Проснувшись поутру, я обнаружил, что лежу в постели один, уткнувшись лицом в подушку, ступни выбрались за изножье кровати, а мошонка почти касается половиц. Первое, что я почувствовал, это сильнейший приступ поясничной боли, сменившийся унынием, стоило мне только вспомнить, что, невзирая на скованные мышцы спины, мне предстоит провести день за рытьем выгребной ямы или на покосе в кишащем змеями поле.

Минут десять ушло на то, чтобы распрямить спину, снова облачиться в футболку и шорты, которые уже начинали попахивать деревней.

Решив, что выгляжу вполне прилично, я пошел на звуки, доносившиеся из кухни. И тотчас пожалел о том, что вообще проснулся.

Бриджит расхаживала босиком в длинной розовой хлопчатобумажной ночной сорочке, которая придавала ей поразительное сходство со свиньей.

Нельзя сказать, чтобы сорочка была прозрачной, но истончившаяся ткань так обтягивала соски, ягодицы и рыжий холмик волос на лобке, что у меня возникло острое желание стать хронически близоруким.

Что еще хуже, Флоранс была одета в длинный, до пола, бархатный халат в горизонтальную зелено-желтую полоску, который определенно занял бы второе место в конкурсе «Самая несексуальная одежда за всю историю человечества», уступив пальму первенства лишь памперсам. Да, у нее были голова, руки и ноги молодой девушки, но все остальное соответствовало образу пожилой пенсионерки на пешей прогулке в доме престарелых.

Блин, вот что делает с человеком изоляция в сельской глуши, подумал я.

Маленький Симон сидел за столом, подтянув колени к подбородку, и уплетал сэндвич с «Нутеллой».

Как-то я прочитал статью о французской еде, и там было сказано, что эта шоколадно-ореховая паста цементирует Францию. Почти каждый ребенок в стране ест на завтрак «Нутеллу». Тинейджеры и безработные тянутся к ней ложкой в минуты стресса. Я уверен, что это единственная причина того, почему никто во Франции даже не заикается об аллергии на орехи. Арахис у французов в крови. Как-то, в бытность мою работником французской пищевой компании, одна моя коллега привела своего сына познакомиться со мной. Это был крепкий девятнадцатилетний парень с плечами, как у гребца, и ему как раз предложили место в Оксфорде. Он великолепно говорил по-английски, и я не сомневался в том, что он легко впишется в университетскую среду. Единственный вопрос об Англии, который ему не терпелось мне задать, звучал примерно так: «А там можно покупать „Нутеллу“?»

Симон усмехнулся своим шоколадным ртом и продолжил подпевать радио: безголосая французская певица все никак не могла понять, почему ее никто не любит. Возможно, потому, что она все никак не заткнется, подумал я. А вслух со стоном произнес:

– *Bonjour*.

Флоранс подошла ко мне в своем жутком халате, и я постарался поцеловать ее, не прикасаясь к омерзительному бархату.

– Твоя прабабушка тоже умерла на этой кровати? – спросил я не слишком громко, на случай, если прабабка была по материнской линии.

Флоранс нахмурилась и вопросительно повела бровью, словно намекая на то, что я кое-что забыл, потом изобразила поцелуи в щеки.

О, боже, нет, едва не вырвалось у меня, они целуют друг друга каждое утро.

Перемазанный «Нутеллой» после лобызаний щек Симона, я направился к мойке, склонившись над которой Бриджит скребла вчерашнюю сковородку, оставленную отмокать на

ночь. Ягодицы Maman, обтянутые тканью сорочки, напрягались и расслаблялись, так что казалось, будто пара лысых человек пытается выбраться из мешка.

– *Bonjour*, Бриджит.

– А, *bonjour*, Пол! – Она обернулась, едва не сбив меня с ног правой грудью, и звучно поцеловала в обе щеки. Похоже, вселенская любовь вернулась к ней. – Хорошо спал?

– Да, очень хорошо. – Я просто не знал, как сказать по-французски «для человека с переломом позвоночника».

– Что ты пьешь по утрам? Кофе, шоколад, фруктовый чай…

– У нас нет фруктового чая, *Maman*, – заметила Флоранс, и я выдохнул с облегчением.

– Ах да, занеси его в список… Нет, Пол, я знаю, что ты пьешь: чай. – Она произнесла последнее слово так, будто речь шла о суперпризе в телеигре.

– Нет, спасибо, я выпил бы кофе, если можно, – сказал я.

– Ты не пьешь по утрам чай?

– Нет, кофе.

– Я думала, все англичане по утрам пьют чай.

– Я предпочитаю кофе.

– У нас есть «Английский завтрак».

– Мне бы кофе.

– Ну если ты уверен, что не хочешь чаю…

– Я уверен. Кофе, пожалуйста.

После того как мы выяснили этот вопрос, я устроил своим позвонкам еще одно мучительное испытание, усаживаясь за стол боком. На столе чего только не было: упаковки с хлопьями, какао-порошком и чайными пакетиками, тарелка с миниатюрными ломтиками сухого белого хлеба, пластиковая бутылка стерилизованного молока, огромный круглый каравай, половина которого была грубо нарезана толстыми ломтями. На другом конце стола были выставлены суповые чашки и столовые приборы.

В Париже я обычно не завтракал, выпивал утром чашку кофе, а по пути на работу покупал в булочной круассан, но сегодня я подумал, что неплохо бы с утра пораньше загрузить в себя крахмал.

Я наполнил кукурузными хлопьями белую фарфоровую чашку, и в нее же Бриджит налила мне черного кофе.

Утренняя экономия времени по-коррезски, подумал я. Насколько отвратительно, настолько и умно. В самом деле, зачем употреблять кофе и хлопья отдельно, если можно их смешать?

– О, что он делает? – расхохоталась Бриджит. – Только посмотрите на него.

Симон зашелся от смеха и чуть не свалился со стула, да и Флоранс подключилась к общему веселью.

– Вы что, в Англии кладете кукурузные хлопья в кофе? – спросила Бриджит.

– Нет, это же вы…

– О-ля-ля. Может, хочешь туда же добавить немного английского мармелада?

Бриджит посмеялась над моей тупостью и забрала у меня чашку. В надежде на поддержку я обернулся к Флоранс, но она была заодно с Симоном – сейчас они как раз выдавливали из себя последние капли смеха.

– Я надеюсь, с лопатой ты управишься лучше, чем с корнфлексом, – сказала Бриджит, вываливая содержимое моей чашки в мусорное ведро.

Конечно, я должен был помнить. Во многих французских семьях принято пить утренний напиток из суповых чашек. Так делала и моя бывшая подружка Алекса. Только вот почему французские производители фарфора не считали нужным приделать ручку к этим чашкам, оставалось для меня загадкой.

– В доме есть какая-нибудь чистая одежда? – спросил я Флоранс.

– *Ah oui*. – Она удалилась в комнату своей матери и вернулась оттуда с серой футболкой и самыми безобразными штанами из всех, какие мне довелось видеть в своей жизни. Это было изделие на эластичном поясе, в оранжево-голубую клетку с орнаментом из красных цветов размером с кулак. Такой узор (если это был узор, а не технический брак) могло сотворить лишь воспаленное воображение жертвы наркотической галлюцинации, а носить одежду из ткани подобной расцветки можно было только дома и только дальтоникам.

Флоранс уловила мое настроение, в котором не было и намека на энтузиазм.

– Они из Африки, – сказала она.

– Так вот, значит, какой он, вирус Эбола, – проговорил я. – Это вещи твоего брата?

– Нет… О, я хотела спросить, ты собираешься в душ?

– Да, я подумывал об этом.

– Знаешь, *Maman* говорит… – При этих словах ягодицы Бриджит, казалось, навострили уши. – Ты не мог бы вытираться, стоя на коврике, потому что в прошлый раз ты оставил мокрые следы на полу?

Конечно, я наследил на вашем чертовом полу. Более идиотской ванной трудно придумать, и немудрено, что любой оставит лужи на этом чертовом полу в этой чертовой ванной. Так хотелось мне сказать, но я заглушил этот порыв, попытавшись отпить кофе из огромной чашки, которую только что поставила передо мной Бриджит. Горячая жидкость перелилась через край, обжигая подбородок и кончики пальцев.

– Хочешь соломинку? – предложил Симон.

И кто бы мог подумать, что еще вчера я чувствовал себя самым настоящим французским крестьянином. Сегодня я снова был английским истуканом, аутсайдером, который даже завтракать толком не умеет.

Проблема в том – и это объективный факт, – что, приезжая в чужую страну, ты оказываешься далеко от дома. Я хочу сказать, далеко от своих приятелей и семьи. Ты вынужден приспосабливаться к окружающим. У тебя не получится прийти вечером в паб и рассказать всем о том, как «она налила кофе прямо в кукурузные хлопья», и услышать слова сочувствия.

Ситуация представляется еще более экстремальной, если твоя подружка парижанка. И не так страшно встречаться с ее друзьями (хотя, как я уже говорил, никогда не знаешь, сколько среди них ее «бывших»), гораздо труднее общаться с ее семьей. Как собака, попавшая к другим хозяевам, ты вдруг обнаруживаешь, что в новой семье диваны предназначены вовсе не для того, чтобы на них сидеть, кости следует грызть, а не закапывать, и все смеются, когда ты начинаешь вылизывать свою задницу. «Что плохого в том, что я вылизываю себе задницу? – думаешь ты. – Там, откуда я родом, все так делают».

6

Я уже с нетерпением ждал, когда смогу вырваться из дома и выпустить пар на земляных работах. Бриджит увязалась следом за мной, чтобы объяснить, как держать в руках лопату и наполнять тачку землей. Я слушал ее советы, старательно отводя глаза в сторону, потому что на ярком солнце ее сорочка просвечивала еще сильнее, почти не скрывая прелести, которые мне вовсе не хотелось видеть.

Я спрыгнул в метровую яму и провалился в липкую глину.

– О, там очень грязно. Будь осторожен, смотри не увязни, – сказала Бриджит и пошла восвояси, сокрушенно качая головой.

Флоранс пришла похихикать. И было над чем. Помимо ослиной шляпы и резиновых сапог, теперь на мне были уродливые штаны, настолько огромные, что мне пришлось подвернуть их в поясе, чтобы они не сваливались, и футболка, разодранная чуть ниже груди, очевидно, тем, кто стремился продемонстрировать рельефный пресс. Я выглядел как попидол восьмидесятых, который переживает трудные времена, а потому вынужден подрабатывать летом в деревне, разгребая дерьмо.

Флоранс, напротив, смотрелась роскошно в топике бикини и саронге, с высоким пучком на макушке. Будь я в состоянии поднять хотя бы одну ногу, я выкарабкался бы из своей дыры, затащил бы Флоранс в сарай и уложил бы на земляной или какой угодно другой пол.

– Меня запрягли помогать готовить ланч, – сказала она. – В десять принесу тебе попить.

– В десять? А сейчас сколько?

– Половина девятого.

– Боже правый, выходит, я встал на рассвете.

Большой стакан клубничной слизи принес Мишель, брат Флоранс.

На нем были линялые голубые шорты-боксеры и резиновые сапоги из разных пар – один зеленый, другой коричневый, и оба на левую ногу. По крайней мере, я был не единственный в клоунской одежде.

– Вау, расслабься, старик, – произнес он по-английски, с франко-американским акцентом. – Не копай так быстро. У нас все лето впереди.

– Все лето? – И речи быть не могло, чтобы я застрял в этой дыре так надолго.

– Да, новый септик привезут только осенью. – Он спустился по доске, что вела в яму с пологой стороны, и, приблизившись ко мне, поскреб щекой по моему лицу. Казалось, в этой семье и мужчины целовались по утрам. Независимо от того, побрились они или нет. Какая мерзость!

Мишель ненадолго сменил меня и заодно объяснил странности в поведении своей матери.

– Когда она в городе, она совершенно теряется, старик. Поехать подстричься – для нее это целое путешествие. Два раза в год она теряет свою кредитку. Но здесь, в коммуне, она считает себя экспертом во всем. У нее загибаются растения, она вечно паникует, что дом свалится ей на голову, но чувствует себя хозяйкой положения и убеждает себя в том, что она фермерша. Вот почему *Papa* отказывается сюда приезжать. Ну, это одна из причин.

– Он никогда сюда не ездит? – Я мог понять почему, но в то же время был удивлен.

– Нет. Местные принимают нас, детей, потому что знают нас с рождения. Но чтобы принять настоящего индуса? Ни в коем случае. И не то чтобы они расисты, просто они никогда не видели темнокожего парня, который, как это сказать, не чистит… *poubelles*?…

– Мусорные баки? Помойки?

– Да, мусорщики, верно. И у *Papa* на этой почве свой комплекс. Он бизнесмен, а не мусорщик.

– И каким бизнесом он занимается? – Я никогда не встречался с отцом Флоранс. Когда мы забирали его машину, он был в Индии.

– Он импортирует *tissues*[39].

– Что, «Клинекс»? – Отличный товар, подумал я, для страны, населенной ипохондриками. В моем прежнем парижском офисе бумажные платки продавались даже в автоматах вместе с шоколадными батончиками.

– Нет, *tissus*[40]. Ну знаешь, вроде хлопка, например. Чтобы шить рубашки и прочее дерьмо.

– А… *fabrics*[41].

– Да. Он говорит, что летает в Бомбей первым классом, а здешние крестьяне принимают его за мусорщика. К тому же есть еще одна проблема…

Мишель выдержал интригующую паузу.

– Проблема?

Он перестал копать и ухмыльнулся.

– Ты ведь знаешь старую Жинетт? – шепотом произнес он, будто опасаясь, что мать подслушивает из-за угла сарая. Что, впрочем, не исключалось.

– Жинетт? Ты имеешь в виду старика Анри?… – Я не знал, как назвать старушенцию, то ли женой, то ли сестрой. А может, женой и сестрой одновременно.

– Да. Как-то ночью *Papa* перепил вина и гонялся за ней по полям. Анри выстрелил из ружья, чтобы напугать его, но убил корову. В коммуне был большой скандал.

Я мог себе представить, сколько было разговоров, если они тут умудряются шифер по полчаса обсуждать.

– А что, твой отец… ну, ты понимаешь… был с Жинетт?

Мишель рассмеялся и, снова принявшись лениво ковырять землю, ответил:

– Нет, он пришел домой, лег спать, а на следующий день вообще ничего не помнил. В итоге он заплатил за корову, чтобы замять этот скандал.

– Вау. – Я посмотрел в сторону мирной фермы Анри и Жинетт, где, оказывается, бурлили такие животные страсти. – И ты постоянно здесь живешь? – Как я ни старался, в голосе все-таки прозвучали скептические нотки.

– Нет, я мотаюсь по стране, когда есть работа. Когда работы нет, часто приезжаю сюда.

– А что у тебя за работа?

– Я электрик.

– Электрик – и нет работы? Электрики всем нужны.

– Я электрик в кинобизнесе, – со смехом пояснил Мишель. – Так что приходится очень подолгу ждать новых съемок. К тому же мне нравится работать с американскими киношниками, а они не так часто сюда приезжают, как мне хотелось бы.

– Но разве ты не можешь найти работу, не связанную с кино, в перерывах между съемками? Ну скажем, починял бы проводку в домах?

Он снова рассмеялся, будто я предложил нечто из области фантастики, и попросил:

– Расскажи лучше о своем *salon de thé*.

Пока Мишель копал, я растянулся на траве и выдал длинную режиссерскую версию своей истории. В сложившихся обстоятельствах ничто не мешало мне вдаваться в мельчайшие подробности.

---

[39] Бумажные носовые платки (*англ.*).

[40] Ткань (*фр.*).

[41] Материя (*англ.*).

Я рассказал ему, как за мной охотилась парижская компания, предлагая мне выгодный контракт. Как мне навязали группу французских коллег, в том числе любовницу босса и говорящего по-венгерски олуха с моржовыми усами. Как потом меня выгнали, потому что я не вписался в политическую программу моего босса, Жана-Мари, самого обаятельного лицемера. Он выиграл местные выборы и теперь, как говорили, да я и сам слышал по радио, собирался выступать кандидатом в борьбе за руководство своей партией.

– *Vous parlez politique, c'est bien!*[42]

Краснолицый человек в бежевой клетчатой рубашке и с седой рокерской челкой улыбался нам, заглядывая в яму. Молодой золотистый ретривер радостно пыхтел рядом с ним.

– А… мсье Рибу! – Мишель отставил лопату и протянул запястье для пожатия, как делают французские мужчины, если у них испачканы руки.

Мишель представил мсье Рибу как мэра коммуны, и я тоже подставил запястье, чтобы мне потрясли руку.

– *Ah, les Anglais,*[43] – сказал Рибу. – Вы вторглись в Дордонь, а теперь вот пожаловали сюда? Надеетесь вернуть те времена, когда ваш король Генрих Восьмой мечтал завладеть всей Францией?

Мой бывший босс Жан-Мари гневно осудил бы это антибританское заявление, позируя возле избирательной урны, но мсье Рибу улыбался мне так, будто мое участие в английской интервенции должно было состоять в раздаче бесплатных фруктовых пирогов местному населению.

– Это верно, – сказал я. – Мы, британцы, все, как один, хотим жить во Франции.

– Да, но почему все вы рветесь именно в Дордонь?

– Я не знаю. – Действительно, трудно объяснить, почему британцы всегда стекались в этот *département* Западной Франции. Очевидно, в доисторических наскальных рисунках, что встречаются там, среди мамонтов и мохнатых носорогов можно различить белолицых гомосапиенс. Это как раз и были древние британцы, осматривающие пещеры на предмет их реконструкции, чтобы потом наваривать прибыль на сдаче внаем коек с завтраком.

– *Allez, les garçons* – время *apéro*[44], – позвала Бриджит.

Для *apéro* всегда находилось время.

Мы с Мишелем помыли руки и присоединились к мэру, дамам и маленькому Симону за тиковым столом в тени за домом.

На столе стояли уже знакомые мне бутылки, но на этот раз я решил ограничиться пивом. Мое предательство по отношению к «Баньюльс», естественно, вдохновило всех на долгий разговор о национальных традициях пития, завершившийся единодушным признанием того факта, что превосходные французские вина и спирты породили самых здоровых алкоголиков Европы.

– Да уж! Пока у нас есть женщины и вино, мы непобедимы. – Мсье Рибу осушил бокал пастиса и потянулся за добавкой. – Но в этой семье женщины предпочитают экзотических мужчин, а? Так? – Румянец вспыхнул на щеках Бриджит и Флоранс. – У нас, французов, с этими женщинами нет никаких шансов, верно? – Рибу ущипнул Бриджит за щеку, и я представил, как эти двое, будучи деревенскими подростками, играли здесь в прятки. – Вот почему после смерти жены мне приходится довольствоваться единственной сукой. – Он потрепал по голове своего щенка и дал ему сырное печенье. – Хотя она ведь тоже англичанка, а? Ретривер? Как ты ее находишь, Пол? Может, мне на ней жениться, а?

---

[42] Вы говорите о политике, это хорошо! (*фр.*)

[43] А, англичане (*фр.*).

[44] Мальчики, идите – время аперитива (*фр.*).

Здесь, в провинции, этот вопрос вполне заслуживал серьезного обсуждения.

– Там видно будет, – сказал я. – А она умеет готовить?

Прежде чем мэр успел раскрыть мне собачий рецепт приготовления говядины по-бургундски из костей, явился старик Анри; он поинтересовался, собираюсь ли я к нему на покос. К счастью, мне не пришлось искать предлог для отказа.

– Я забираю Пола покататься по округе, – объявил мсье Рибу.

– *Après la sieste,*[45] – постановила Бриджит.

Сиеста? Отлично. Похоже, жизнь налаживается. Я прижался ногой, пусть и в непотребной брючине, к бедру Флоранс. Она опустила руку под стол и сжала мое колено.

На ланч подали остатки вчерашнего поросенка, все те же бобы, кабачки, салат, клубнику и вторую половину гигантского клафути. Мы пили кофе на улице, за столом для *apéro*, и мне удалось улучить десять секунд наедине с Флоранс, чтобы спросить, где будет проходить сиеста.

В нашей спальне, был ответ, а Симон обычно проводил сиесту с бабушкой.

Мне пришлось быстрым шагом проследовать в спальню, стараясь смотреть исключительно на стены, лишь бы не выдать никому своего восторга от радостной новости.

После столь длительного периода целомудрия мне не терпелось сразу же приступить к делу, но я помнил о манерах. Француженки ценят в мужчине старомодную обходительность. Они любят, когда перед ними открывают дверь, преподносят красную розу в ресторане, предпочитают первыми испытывать оргазм. В общем, им ближе старая школа.

Поэтому я сделал вид, будто терпеливо жду, при этом все глубже проваливаясь в матрас, пока Флоранс закроет ставни и распахнет окна, а потом игриво снимет топик и саронг, демонстрируя, что все это время, оказывается, ходила без трусов. Целомудренная французская девушка, но без трусов. Это казалось просто греховным расточительством, как если бы она оставила миску со свежей малиной киснуть на солнце.

Наконец Флоранс улеглась рядом со мной, и мы попытались найти позицию, в которой можно было прижаться друг к другу нужными частями тела без риска что-нибудь себе повредить.

– О… чуть не забыла, – спохватилась она, когда я уже изготовился для страстного поцелуя. – *Maman* говорит, что тебе больше не нужно копать.

При упоминании матери Флоранс страсти во мне поубавилось, но не критически.

– Слава богу. В конце концов, мы ведь на каникулах.

– Она говорит, что ты копал не в том месте.

– Что? Там же яма, и это единственное место, где можно копать. Вглубь и вширь.

– Она говорит, что Мишель сам закончит.

– Но мы копали вместе, значит, и он тоже копал не там. – Почему я тратил время, защищая свое мастерство землекопа, вместо того чтобы наслаждаться любовной прелюдией, оставалось для меня загадкой, но все-таки что-то настойчиво подталкивало меня к этому.

Флоранс пожала плечами:

– Она никогда не критикует Мишеля. Он ее маленький ангел. Да, кстати, сегодня днем он повезет нас с *Maman* в супермаркет, и мы договорились с хозяином гаража, что заедем за нашим багажом.

– Наконец-то у меня появится собственная одежда. Чьи это шмотки, что ты дала мне? Признайся! Твоего отца?

От смеха Флоранс кровать заходила ходуном.

– Нет, *Papa* такой же маленький, как и *Maman*, – наконец ответила она.

[45] После сиесты (*фр.*).

– Тогда кому они принадлежат? Отцу Симона?

– Если ты действительно хочешь знать, это вещи моего бывшего бойфренда. – Мне показалось, что я расслышал еле уловимые виноватые нотки. Ревность зашевелилась в моей груди. И в той части тела, что пониже.

– И когда вы расстались, он забрал все компакт-диски, а ты оставила у себя его тряпки? Да тебя облапошили.

– Нет. – Флоранс накрыла мой рот ладонью, словно призывая закончить разговор, но я, как идиот, продолжал упорствовать.

– Все отлично помнят этого твоего гиганта, бывшего бойфренда. Не потому ли Симон так настойчиво твердит, что я маленький?

– Да, физически он был… внушителен.

– Внушителен? Кто он был, чемпион по дзюдо?

Когда лежишь рядом с обнаженной девушкой в кровати и сгораешь от нетерпения заняться сексом – это, конечно, не лучшие место и время для вспышки ревности. Но по какой-то необъяснимой причине эта вспышка разгоралась все сильнее по мере того, как мне в голову лезли самые бредовые предположения.

– Это случайно не Николя, архитектор? – требовал я ответа.

– Нет.

– Но ведь он тоже из твоих бывших, не так ли?

– Да.

– Может, он к тому же и хороший архитектор?

– Да, – быстро ответила Флоранс. И менее решительно прибавила: – Я так думаю.

– Флоранс, ради всего святого.

Мои шансы заняться любовью таяли с каждой секундой. Я ухватил Флоранс за левую ягодицу и решил уладить дело миром.

– Давай больше не будем говорить о твоей семье, твоих бойфрендах и нашем бизнесе и сосредоточимся на более приятных моментах.

– Давай, – промурлыкала Флоранс, и ее прохладная рука скользнула между моих бедер.

– *Allez*, Флоранс! – раздался голос Бриджит, сопровождаемый громким стуком в дверь. – Нам пора ехать.

– Уже? – Флоранс была удивлена настолько же, насколько я был близок к самоубийству.

– Да, ты же знаешь, что гипермаркет сегодня закрывается рано. *Départ*[46] через две минуты.

– Две минуты, – прошептал я Флоранс. В моем нынешнем состоянии крайнего возбуждения эта пара минут была равнозначна целой ночи.

– Тридцати секунд тебе будет достаточно, а? – произнесла она подтрунивающим тоном и каким-то образом умудрилась скатиться с кровати, прежде чем я успел подтвердить делом ее предположение.

Кажется, Франция отменила закон о «crime passionnel»[47], но уверен, что любой судья в этой стране согласился бы с тем, что Бриджит сама нарывалась на то, чтобы ее забили до смерти увесистым кабачком.

[46] Отправление, отъезд (*фр.*).

[47] Преступление, совершенное под влиянием любовной страсти (*фр.*).

7

Я не видел смысла в том, чтобы валяться в постели одному и ждать, пока позвоночник уляжется под правильным углом, поэтому встал и принялся бродить по пустому дому. За исключением нашей спальни, все комнаты располагались в цепочку. Из кухни ты попадал в гостиную, оттуда в спальню Бриджит (где я намеренно зажмурился, чтобы детали этого интерьера потом не возвращались ко мне в страшных снах) и, наконец, в коридор, откуда три двери вели в ванную, в комнату Мишеля и в сад, соответственно. Так что, чисто теоретически, если бы мне захотелось попасть в ванную, я должен был пройти через сад или через спальню Бриджит. Это было так же непрактично, как обеденный стол на уровне пола.

Я вернулся в гостиную и устроился на диване – громадине в псевдодеревенском стиле с чересчур замысловатыми деревянными подлокотниками и грубыми подушками с кисточками.

По телевизору шел репортаж о «Тур де Франс». Я уверен, что, если просмотреть полную версию этой велогонки, можно узнать о французах больше, чем за три года учебы в университете.

Каждое лето у французов начинается помешательство на почве «Le Tour». Они критикуют крикет за скуку, потому что он может длиться пять дней. А тут гонка (значит, никаких тебе мячей, голов, лишь бесконечная мука), которая длится – о, ужас! – целых три недели. День за днем телекамеры следят за тем, как неестественно тощие мужики в лайкре крутят педали, мотаясь вверх-вниз по горам. Комментатор информирует зрителей о размерах и традициях каждого города, который встречается на пути гонщиков. Вот вам, пожалуйста, Грену-ле-Бан, родной дом для трех тысяч душ, он славится в регионе своим заброшенным сланцевым карьером и потрясающими продуктами.

Но массы обожают это мероприятие, и каждый километр обочин занят болельщиками, а некоторые даже разбивают палаточные городки. Фаны машут руками в камеру, надеясь получить свои пять секунд славы.

На одном из кадров, снятых с вертолета, я увидел огромный рисунок на дорожном полотне. Массивный белый фаллос и надпись: «Je t'aime, Sophie»[48]. Маршрут велогонки объявляли задолго до старта, так что, правильно рассчитав время, можно было не сомневаться в том, что твое граффити появится на телеэкране. Комментатор был ничуть не смущен гигантским – и очень тщательно прорисованным – пенисом. Он лишь сделал комментарий о том, насколько романтичны местные жители, и в кадре снова появились обожженные солнцем велосипедисты, на ходу распечатывающие протеиновые батончики.

Я даже немного расстроился, когда мэр постучался в кухонную дверь. «Эллоу, йез соммбоди?» – крикнул он, намеренно коверкая английский.

Мсье Рибу был одет в розовую рубашку и серые классические брюки, и от него так разило одеколоном, будто он в нем выкупался или влил в себя целую бутыль душистого спирта. Конечно, на таком фоне моя рваная футболка, нелепые штаны и пахучие подмышки землекопа были сущим позором, но его это, казалось, ничуть не смущало.

– *Viens, viens*[49], – сказал он. И добавил с сильным акцентом: – У нас экскурсия.

В его роскошном «ситроене» работал двигатель, и кондиционер был включен на ледяной холод, что было просто блаженством, поскольку стоявшее в зените солнце угрожало спалить всю живую растительность. А ее повсюду было в избытке. На склонах холмов

[48] «Я люблю тебя, Софи» (*фр*.).

[49] Идем, идем (*фр*.).

росли аккуратно подрезанные яблони, на ветвях которых зрели крупные, размером с мячик для гольфа, плоды. Высокие, старомодные живые изгороди разделяли луга и поля, которые повторяли очертания маленьких долин, спускавшихся к заросшим камышом берегам речушек.

А вот людей не было. Мы видели их фермы – группки домов и строений, как у Бриджит, иногда с флигелями, курятником или утиной заводью. Но во дворах ни души. Все спят, догадался я. Или смотрят «Тур де Франс».

– Куда мы едем? – спросил я.

– В город, – ответил мсье Рибу. – Мне нужно сказать пару слов *curé*[50].

Мы проехали кладбище, огороженное бетонной стеной, и остановились на площади возле приземистой каменной церкви и остановки школьного автобуса.

– Подождите меня вон там, – сказал мсье Рибу.

Я посмотрел туда, куда он показывал, и увидел на другой стороне площади здание мэрии – классический *château*[51] в миниатюре. Прямо перед мэрией находился незатейливый мемориал с каменным солдатом Первой мировой, который застыл в непринужденной и расслабленной позе, будто ждал своей очереди пойти в бой и получить пулю. Похоже, во всей Франции не было ни одной деревни, которая не потеряла бы в окопах войны хотя бы одного своего жителя.

Но мсье Рибу вовсе не предлагал мне отправиться отдать дань памяти мертвым. Да, он показывал в сторону памятника, но хотел обратить мое внимание на безликое здание со стеклянным фасадом и вывеской с надписью «Café de la Mairie», расположенное на углу площади.

Тогда я еще не знал некоторых очень важных особенностей *café* в городках сельской Франции, куда редко ступает нога туриста. Нельзя сказать, чтобы люди там были недружелюбными. Дело в том, что они настолько непривычны к незнакомцам, что попросту их не замечают. А если все-таки замечают, то теряются, не представляя, что с ними делать. Бармен четко знает, что и в какое время суток пьет каждый из его клиентов, а появление чужака ставит его в тупик. Почему кто-то расселся на стуле Марселя, когда самого Марселя вот уже три года как нет в живых?

Посетителями *café* были сплошь мужчины в возрасте от тридцати лет до «столько не живут». Не меньше десяти человек, и по крайней мере половина носила усы. Воздух был насыщен табачным дымом, пивными парами и комментариями о «Тур де Франс», и этот коктейль лениво перемешивал потолочный вентилятор.

Я приветствовал всех дружеским «Бонжур!» и встретился взглядом с каждым, кто посмотрел в мою сторону. Несколько человек ответили на мое приветствие, но тот единственный, с кем мне действительно хотелось пообщаться, не отреагировал. Бармен тянул пиво из стакана, слушая бурчащего на местном диалекте старика, который сидел перед ним за стойкой бара.

Что ж, подумал я, уж мсье Рибу они наверняка знают. Он-то и попросит, чтобы нас обслужили.

На столике, за которым я расположился, лежала местная газета, и я расшифровал передовицу, в которой был представлен подробный отчет обо всех происшествиях на региональных дорогах. Про мою аварию не было ни слова, но, в конце концов, она и не могла конкурировать с сенсационными новостями о том, что «Вел Сатис» выжимал на трассе двести километров в час, а грузовик с вином занесло, и это обернулось пробками длиной шестьдесят километров, поскольку водители просто не могли заставить себя проехать мимо валяв-

[50] Кюре (*фр.*).

[51] Замок (*фр.*).

шихся бутылок «Кот-дю-Рон». Идеальное вино для измученных жаждой автолюбителей, не отказывающих себе в удовольствии выпить за рулем.

– *Salut, Pierre!*[52]

Раздался дружный хор приветствий, когда мсье Рибу бодрым шагом зашел в *café*. В руке у него был полиэтиленовый мешок, полный огурцов.

– Ты до сих пор не обслужил моего английского друга? – прибавил он, опустил мешок с огурцами на мой столик и отправился приветствовать односельчан. При этом он журил их за необщительность, и те, кто помоложе, потянулись ко мне с рукопожатиями и «бонжурами».

Представители старшего поколения, казалось, до конца своих дней приросли к барным стульям.

– *Viens, viens*. – Рибу помахал мне рукой, подзывая, и я подошел и встал у стойки бара, как взрослый. Мэр объяснил, кто я такой, что было встречено понимающими кивками.

– Не был ли ты повыше ростом? – спросил один из мужчин.

– Да, – ответил я, – до операции.

– Нет, – продолжил мой дотошный собеседник, – но разве у девчонки Бриджит был не…

– А у твоей жены разве нет двухметрового любовника? – перебил его Рибу.

Смех, похлопывания по плечам, грязные намеки положили конец обсуждению физических параметров бывшего бойфренда Флоранс.

Еще несколько минут назад я был чужаком, не достойным внимания, и вот уже вместе с мэром и меня посетители *café* наперебой приглашали к себе домой на рюмочку.

– Нет, не сейчас, – сказал Рибу, допивая кофе. – Нам еще предстоит несколько визитов в деревне.

Прощаясь, мы обменялись рукопожатиями по кругу, и мсье Рибу обещал каждому заглянуть на *apéro* в течение недели. Я подумал о том, что в этих краях наверняка можно сколотить состояние, если открыть клинику по пересадке печени.

Еще часа два Рибу мотал меня по окрестностям, не пропуская ни одной фермы в радиусе трех миль от дома Бриджит. На фермах остались старики, чьи дети уехали работать в город, то есть в Лимож, Туль или Брив. Встречались и пары среднего возраста, но их дети тоже планировали перебраться в город.

Я посидел за столом в десятках кухонь, отведал клубничный пирог, клубничный торт, клубничный мусс, клубнику в красном вине и клубнику в чистом виде. У сезонного продукта есть существенный минус – вы обречены весь сезон употреблять его в пищу.

Я пил вино и вишневую *eau de vie*[53]. Повсюду меня встречали с приветливым любопытством и подношениями в виде клубники и кабачков. Кстати, меня тоже поджидал мешок с огурцами, подарок от кюре.

Мне устраивали экскурсии по очаровательным амбарам, демонстрировали соблазнительные септики. А также предложили пострелять кроликов («они не убегают»), накопать себе кротов («всего сто шкурок, и получится отличный жилет»), посмотреть телевизор («у нас тут три канала, и изображение очень четкое»).

К пяти часам я уже опьянел, объелся клубникой, и меня тошнило от изобилия реалий сельской жизни.

– Пожалуй, пора ехать домой на *apéro*, – объявил мэр.

---

[52] Привет, Пьер! (*фр*.)

[53] Водка (*фр*.).

Вырвавшись из плена гостеприимных фермеров, мы остановились на вершине холма, вышли из машины, и каким-то чудом мне удалось родить конструктивную мысль. Здесь, на возвышении, мог работать мой мобильник, в отличие от дома Бриджит: построенный в низине, он был надежно спрятан от вышек сотовой связи. Я так полагаю, прадед Флоранс не предвидел, что грядет эра мобильных телефонов.

– Позвольте, я проверю, нет ли мне сообщений, – обратился я к мэру.

– Бут офф корс[54], – произнес он на своем бутафорском английском и уселся в машину.

Я подключился к внешнему миру. Казалось невероятным, что он еще существует. В почтовом ящике было три сообщения, в том числе от Алексы, моей бывшей подружки.

Мы были вместе почти всю прошлую зиму, и я не сомневался, что она именно та единственная, с которой не соскучишься, которая фонтанирует безумными идеями и на которую чертовски приятно посмотреть, что немаловажно. Но я все испортил, и вот уже несколько месяцев мы не общались, после того как разбежались во второй раз. Первый разрыв произошел, когда я по ошибке переспал с другой (так бывает), а причиной второго стала моя неудачная шутка насчет одного политика (а это уж чересчур). Сейчас все это казалось величайшей глупостью. Как можно порвать отношения из-за того, что не имеет к ним никакого касательства? Я еще понимаю, когда партнеры расстаются, потому что один из них переспал с кем-то, или когда им больше нечего сказать друг другу, или, в самом деле, когда твоя подружка заставляет тебя одеваться в шмотки своего бывшего бойфренда, – но чтобы из-за политики… Впрочем, Алекса была девушкой серьезной.

Сообщение, которое она прислала, было лишь отчасти политическим. Казалось, она оттаивает. «*Молодец*, – писала она на своем беглом английском, – *слышала ты уволился когда обнаружил чт тв босс фашист*». Это было не совсем верно, но я не собирался опровергать столь лестную интерпретацию истории моего увольнения. «*Где ты сейчас?* – спрашивала Алекса. – *Открываешь чайные? Во Фр или Анг? Я в Анг*».

Может, потому, что Флоранс довела меня до белого каления своими «бывшими», но я все-таки нажал клавишу соединения.

– Алло?

Я жестом просигналил мсье Рибу: «Еще одну минутку».

– Алекса, привет, это Пол. Только что получил твое сообщение.

– Пол? Привет. Где ты?

– Стою на холме в Коррезе.

– В Коррезе?

– Да.

– Что ты делаешь в Коррезе? – спросила она таким тоном, будто никому и в голову не пришло бы здесь оказаться.

– Пытаюсь переварить тонн пять клубники.

– Ах да, у тебя же проблемы с животом. Я помню последствия твоего рождественского пудинга. Отличный пример шумного английского пищеварения.

– Виноват был не пудинг, а заварной французский крем. В нем было мало комочков. А именно комочки помогают нам переваривать наш рождественский пудинг.

– Напомни мне, чтобы я не приходила на рождественский ланч в твои чайные. Так ты запускаешь сеть?

Я рассказал, что в сентябре открываюсь, она поделилась своими новостями – сейчас она в Англии, навещает маму, которая переехала туда жить.

– Помнишь, она была в Москве с тем украинским парнем, который торговал ди-ви-ди?

– Что, а теперь она нашла английского видеопирата?

---

[54] Искаженное английское словосочетание *but of course* – «ну, конечно».

– Нет, просто он переехал в Англию. Здесь безопаснее. Он покупает футбольную команду.

– Футбольную команду? Какую?

– Не знаю. Какой-то там «Ньюкасл».

– «Ньюкасл Юнайтед»? Черт возьми, это же один из популярнейших клубов Англии. Ты уверена, что он не приторговывает плутонием?

– Все может быть. Я передам ему, что ты интересуешься.

Автомобильный гудок разрушил очарование момента. Я только-только начал получать удовольствие от жизни, пришел в себя после пустопорожней болтовни с фермерами. Похоже, абсурдные мелочи опять вторгались в мои отношения с Алексой.

– Что такое? – спросила она. – Твоя девушка нервничает?

Я обернулся и увидел, как старик Рибу показывает сквозь лобовое стекло, что пора выпить.

– Нет, это мэр коммуны. Мы опаздываем к нему на «Перно». Пожалуй, я пойду.

– Хорошо, пока.

– Пока, Алекса. Было здорово…

Но она уже прервала соединение.

– Кто это был? – спросил Рибу. – *Un ami anglais?*

– Да, это мой старый английский друг, – ответил я, сам не понимая, зачем солгал. Должно быть, всему виной сексуальное расстройство, объяснил я себе. Мои гены пытались суетиться во всех направлениях.

Но что с них взять, глупых. Я вовсе не собирался распускать слюни и строить иллюзии насчет своей бывшей подружки, это было бы равносильно тому, чтобы сохнуть по Бриджит.

– Что случилось? – обеспокоился мэр, когда я крепко зажмурился и даже сжал кулаки, пытаясь выбросить из головы образ Бриджит в ночной сорочке.

Когда мы вернулись домой, я воссоединился с другим своим старым приятелем – багажной сумкой. Наконец-то я снова почувствовал себя человеком, а не каким-то укороченным призраком из прошлого Флоранс. Я переоделся в собственную одежду, намеренно выбрав вещи посвободнее, с прицелом на очередной гаргантюанский ужин.

Мы ели террин из телячьей головы, холодную свинину, и все это конечно же сопровождалось раздражающим изобилием зеленых овощей. Я мужественно сражался с едой, но когда очередь дошла до клубники, понял, что не смогу заставить себя положить в рот еще хотя бы одну из этих лоснящихся красных тварей.

Пока убирали со стола, я предложил Флоранс – еле слышно, так что даже летучие мыши не смогли бы разобрать моих слов, – короткую прогулку в темноте.

Но видимо, под кафтаном Бриджит скрывался костюм Супервумен, потому что она объявила, что сегодня наша очередь мыть посуду, а потом Флоранс должна была почитать Симону книжку.

Я поплескался в мыльной воде положенное время, после чего рухнул в постель и тотчас отрубился. По крайней мере, во сне у меня был шанс перепихнуться.

8

Следующий день, понедельник, оказался последним полноценным днем наших сельских каникул.

Утро выдалось солнечным, как я успел заметить, когда проснулся около шести. Это идеально-чистое, не загаженное вредными примесями, голубое небо никогда не надоедало, в отличие от всего остального.

После завтрака, во время которого Флоранс укорила меня в том, что вчера я налил воды за стенку раковины, пока мыл посуду, из-за чего, видимо, успел пострадать фундамент дома, я сказал, что иду в душ. При этом многозначительно положил руку на колено Флоранс (она уступила моим мольбам и поклялась больше никогда не надевать бархатный халат), давая понять, что это не что иное, как приглашение. Я рассудил, что, только запершись в ванной, мы сможем предаться интиму. Если бы кто-то постучал, я просто сказал бы, что мой слабый английский желудок не смог переварить такое количество свежей пищи и ему нужно полчаса покоя, чтобы прийти в норму.

Флоранс потерлась бедром об мою руку, и мне показалось, что она включилась в игру.

Стоя под душем, я чувствовал себя несказанно счастливым, представляя, как мы нежно намыливаемся, а потом все-таки находим способ заняться любовью в ванной – может, расстилаем на полу полотенца? Или я сажусь на унитаз, а она устраивается на мне? Возможности казались безграничными, и все одинаково возбуждающими.

Струя воды массажировала мне макушку, пока я рисовал себе самые смелые сцены из жесткого порнофильма, которому придумал название «Amour dans la Salle de Bains»[55]. Когда Флоранс наконец прокралась в ванную, я был, скажем так, полностью настроен сыграть ведущую мужскую роль в этом фильме.

– Запри дверь и иди ко мне, – прошептал я и отодвинул шторку, чтобы Флоранс увидела, как я рад ее приходу.

Передо мной стояла Бриджит, с зубной щеткой в руке и застрявшим в горле криком.

По выражению ее лица можно было определенно сказать, что никогда еще мужчина не отдергивал перед ней шторку душа и не демонстрировал ей пенис в состоянии полной боевой готовности.

Судя по тому количеству времени, какое понадобилось Бриджит на то, чтобы отвести взгляд, она явно испугалась, что этого больше никогда не повторится.

Я нашел Флоранс возле сарая, она была в своем бикини. В руке Флоранс держала сломанный ржавый нож. Неужели? – подумал я. Неужели мне предлагают достойный выход из положения? Отчекрыжить проблемный орган – и дело с концом?

Она посмотрела на меня с удивлением и тревогой одновременно, и я догадался, что мать с дочерью уже успели пообщаться.

– Что она сказала?… – начал я, но Флоранс, нахмурившись, жестом потребовала, чтобы я замолчал. Похоже, материнские уши-локаторы были настроены на «красную тревогу».

– Сегодня ты не собираешь кабачки, – объявила она.

– Нет?

– Нет, ты снимал слишком маленькие.

Это была последняя капля – или кабачок, если хотите. Копаю не в том месте, душем не умею пользоваться – и вот теперь это?

[55] «Любовь в ванной комнате» (*фр.*).

– Лучше уничтожать этих гаденышей в зародыше, – сказал я. – Здесь все кругом просто заражено кабачковой чумой. Очень скоро ваш *département* будет захвачен кабачками. Они запрудят реки, задушат яблони. Кабачки, огурцы и салаты. Почему из всех овощей мира вы сажаете только такие, что не подлежат заморозке?

Флоранс пожала плечами. Видимо, проблема сдерживания роста популяции кабачков была не столь актуальной, как задача ублажить *Maman*.

– Ты будешь соскабливать мох с крыши, – прибавила она. – Лестница в сарае.

– Будут какие-то пожелания насчет техники соскабливания? Скрести справа? Слева? Или снизу? Говори сейчас, потому что иначе я все равно все неправильно сделаю.

– Пол…

– А ты тем временем, может, все-таки позвонишь своему дружку Николя и убедишь его приступить к работе сегодня же?

– Эй, сбавь обороты, – прошептала она. – Не я виновата в том, что ты вздумал эксгибиционировать перед моей матерью. Знаешь, мне тоже нелегко в этой ситуации.

Она выглядела сердитой, но в то же время как будто просила прощения. Может, мне и перепадет немного секса в порядке утешения, подумал я.

Я как раз вытаскивал из сарая антикварную полусгнившую лестницу, когда у меня за спиной кто-то визгливым голосом произнес:

– Месье!

Я обернулся и увидел двух жандармов, стоявших у ворот: один был ростом метра два, другой вполовину ниже. Оба они приближались к пенсионному возрасту, и оба входили в группу риска по диабету, судя по избыточной массе тела. Вполне возможно, в жандармерии уже делали ставки, на ком из них брюки треснут раньше.

Мы с Флоранс оказались у ворот одновременно, а Бриджит наблюдала за происходящим с порога кухни.

Жандармы отдали честь.

– Мсье Весс? – произнес коротыш своим странным писклявым голосом. Судя по направлению его взгляда, жандарм ошибочно принял за англичанина одну из грудей Флоранс.

– *Oui, c'est moi*[56].

– Вы подавали жалобу на водителя, который покинул место аварии? – Теперь он явно заблуждался насчет того, что истцом выступает пупок Флоранс.

– Да. Вы его нашли?

– Ах, – произнес жандарм с огорчением, очевидно потому, что с опозданием заметил голые ноги Флоранс. – Коллеги из Монпелье нашли человека по номерному знаку автомобиля, что вы указали, но… – Он виновато уставился на зону бикини. – Он сказал, что его не было на месте аварии.

– Что? – Я произнес это так громко, что он наконец отвлекся от Флоранс. – Но мы его видели.

– Он говорит, что вы ошибаетесь.

– *Mais c'est ridicule!*[57] – Флоранс выглядела так, будто собиралась поколотить одного из жандармов.

– *Calmez-vous, Madame*[58], – произнес высокий, хотя он явно надеялся на то, что к Флоранс придется применять физические меры воздействия.

---

[56] Да, это я (*фр.*).

[57] Но это смешно! (*фр.*)

[58] Успокойтесь, мадам (*фр.*).

– Но вы проверили, у него действительно красный внедорожник? Потому что если это так, значит, мы правы. – Я мысленно сказал себе, что глупее ситуации не придумаешь. – Все, что вам нужно, это взять образец краски с нашей машины и проверить… – Я никак не мог вспомнить, как звучит по-французски то, что я хотел сказать. – Соответствует ли… – нашелся я наконец. Французы употребляют это слово направо и налево. – Проверьте, соответствует ли краска его машине. И если да, значит, наша жалоба… соответствует.

– *Mais quel enfoiré!*[59] – Флоранс категорически отказывалась вести цивилизованный диалог. – Мы ехали на машине моего отца. Она была совсем новая. Этот *enfoiré* врезался в нас на круге, а вы не собираетесь ничего предпринимать?

– *Madame, Madame*. – Коротышка вытянул руки вперед, словно пытаясь отразить атаку со стороны бюста Флоранс.

– Вы знаете, сколько аварий произошло за этот уик-энд? – спросил высокий. Вид у него был такой измученный, будто ему предстояло писать отчет по каждой из них.

– Да мне плевать, сколько было аварий! – закричала Флоранс. – Этот *enfoiré* врезался в нас, и он заплатит за ущерб.

Мне стоит взять на вооружение словечко «enfoiré», подумал я. Оно кажется очень модным.

– Вы видели нашу машину? – спросил я. Жандармы замотали головами. – Потому что, если вы скажете своим коллегам в Монпелье, что на нашей машине есть след красной краски, и если вы докажете, что номер его машины… соответствует красному внедорожнику, значит, мы не ошибаемся. *N'est-ce pas?*[60]

Я сразу понял, что предложение получилось слишком длинным. Жандармам оставалось слишком мало времени до пенсии, так что осмыслить несколько причинно-следственных связей им было не под силу.

– Вы знаете Пьера Рибу? – вновь вступила в разговор Флоранс.

Это возымело куда больший эффект, чем моя логика.

– Пьера? *Oui, bien sûr!*[61] – Имя мэра, казалось, вызвало счастливые воспоминания о совместных *apéro*, коих было немало.

– Дело в том, что он очень хороший друг нашей семьи, – сказала Флоранс.

И это навело меня на мысль.

– Заходите, выпьем, – предложил я. – Тяжело вести беседу на такой жаре.

Похоже, местным жандармам не запрещалось пить при исполнении, потому что эти двое устроились за столом для *apéro* и уговорили едва ли не всю бутыль вина, пока Флоранс и Бриджит с упоением врали о том, как мсье Рибу увидел нашу машину и отметил бросающуюся в глаза красноту царапины.

Я почувствовал, что сопротивление жандармов ослабевает по мере того, как их объемные животы наполняются вином, и рискнул предложить им съездить в гараж, чтобы лично осмотреть нашу машину.

– Обещаете, что поедете? – спросил я, поднимая бокал, и это прозвучало как тост. Вообще-то я не привык выпивать в девять утра, а потому, уже будучи изрядно навеселе, выдал: «Vous mettez votre main sur votre cœur et vous promettez?» Вы клянетесь, положа руку на сердце?

[59] Нет, ну каков говнюк! (*фр*.)

[60] Не так ли? (*фр*.)

[61] Да, конечно! (*фр*.)

Жандармы нервно переглянулись, залпом осушили свои бокалы и встали из-за стола. Флоранс уставилась на меня, округлив глаза от удивления. Бриджит учащенно дышала. Я задался вопросом, не наказуемо ли заставлять жандармов давать клятву.

– *Mesdames, Monsieur*. – Коротышка кивнул, попятился к выходу, прошел к воротам и втиснулся в машину. Высокий последовал за ним, придерживая на голове *képi*[62] одной рукой, а другой – защищая причинное место. Странные типы.

– Ты сумасшедший? – спросила Флоранс, когда они укатили.

– Что ты имеешь в виду? Я всего лишь сказал… – И я повторил свою коронную фразу по-французски, на этот раз приложив руку к груди для пущей убедительности.

– О, Пол…

Но я же был не виноват, да? Просто мы, бритты, так выражаемся. У нас «car» – это «cah», «bar» – «bah». Мы не произносим «р» на конце слова. И не моя вина в том, что в английском произношении «cœur» звучит как «queue». Откуда же мне знать, что «queue» – это грубый синоним «пениса»?

Уж кто-кто, а жандармы должны понимать, что я никогда не осмелился бы просить их «поклясться, положа руку на член». Или они приняли меня за английского мафиози, который угрожает им кастрацией в случае, если они не поедут осматривать нашу машину на предмет обнаружения следов краски?

Но судя по всему, так оно и было.

И тут меня осенило. Почему раньше никто не упоминал о таких нюансах? Ведь толпы английских туристов бродят по Парижу и спрашивают: «Excusez-moi, Madame, where is the cathedral of the sacred dick?»[63]

Бриджит пришлось пойти прилечь, чтобы привести в порядок свою нервную систему после потрясения, связанного с мужскими гениталиями, а Флоранс тем временем устроила мне разнос, обвиняя в том, что я порчу все дело и наши шансы получить компенсацию за ущерб катастрофически снижаются. Пока мы ругались, я узнал новое слово. Не совсем ругательство, хотя Флоранс на крепкие слова не скупилась. Так вот, я узнал, что французские водители настолько плохи, что для них придумано специальное слово. Нормальный водитель – он «chauff eur». А вот плохой водитель – это «chauff ard». Такое впечатление, что плохое вождение возведено в ранг института и для него разработан собственный словарь терминов.

Я все-таки решил отыграться. Меня упрекали в том, что я порчу все дело? Что ж, проверим, каких успехов добилась Флоранс.

– Ты звонила Николя? – спросил я.

Флоранс вспыхнула и даже слегка отпрянула от меня, словно пытаясь избежать вопроса.

– *Oui*.

– Ну и что, он в чайной? Работы начались?

Ее вдруг чрезвычайно заинтересовала маленькая ящерка, взбирающаяся по стене дома.

– *Pas tout à fait*, – призналась она наконец.

– Не совсем? Они *не совсем* начали? Что это значит? Это все равно что сказать: ребенок не совсем родился. Я хочу знать, он уже вылез из маминого живота или нет?

Это породило еще один скандал. На этот раз мы сцепились на почве мотивации при выборе архитектора. Лично я во главу угла ставил профессиональные качества. И лишь в

---

[62] Кепи, военный головной убор (*фр*.).

[63] «Прошу прощения, мадам, как пройти к собору Сакре-Кёр?» (*фр*. и *англ*.) Здесь игра слов: произнесенное по-английски название «Сакре-Кёр» без буквы «р» на конце в переводе с французского означает «священный половой член».

самом конце моего списка, где-то в пятом десятке, крутилось оправдание: когда-то у нас с ним был секс.

На этот раз Флоранс удалось положить меня на лопатки одним убийственным вопросом:

– Но не ты ли говорил мне, что тебя побудило приехать на работу во Францию желание увидеть женское нижнее белье?

– Да, но в последние дни я его практически не видел, – огрызнулся я.

– Конечно, потому что на мне его не было. – Она зацепилась пальцем за пояс моих шорт. – И сегодня вечером не будет. А маленький Симон уедет погостить у моего дяди в Бриве.

Флоранс определенно знала, как замять скандал и обставить это со вкусом.

К тому времени, как солнце заняло исходную позицию прямо у меня над головой и принялось кусать мои руки и ноги, я очистил уже половину крыши сарая от зарослей мха, не оставив ни единой молекулы зелени на гладкой серой поверхности шифера. Я заметил, что некоторые плитки уже заменили асбестом. Их я не стал скрести и заранее приготовил маленькую речь на французском, на случай, если Бриджит вздумает жаловаться. Мне очень жаль, Бриджит, но твои предки уже покалечили мои колени и позвоночник, я не собираюсь отдавать им на растерзание еще и легкие.

Мишель проснулся как раз к полуденному *apéro*. Он царапнул мое лицо своими уже неприлично заросшими щеками и протянул мне руку помощи, собрав с газона кучки мха, сброшенные с крыши. Я уже знал, что по-французски асбест будет «amiante» – прошлой зимой я пытался купить коттедж за городом, – так что мне не составило труда объясниться с Мишелем насчет токсичной крыши.

– Подумаешь, – сказал он – и хмыкнул так, словно я боялся уколоть пальцы о кусты кабачков. Поднялся наверх лестницы и принялся драить серые плитки. Катышки мха вперемешку с асбестовыми хлопьями сыпались ему в лицо, но его это, казалось, ничуть не заботило.

Неужели никто не предупреждал французов о такой опасности? – подумал я. Впрочем, на плитках стояло клеймо французского производителя, который, видимо, держал информацию в секрете. Правда о местном яде была бы губительна для экономики.

Apéro прошел на удивление приятно. Бриджит была веселой и разговорчивой, как будто вовсе не встречалась с эксгибиционистом в ванной. Заглянул мсье Рибу, в сопровождении собаки, и объявил о том, что вечером состоится прием в *Salle des Fêtes*[64] и мы все приглашены. Особенно я.

– *Pourquoi moi?*[65] – спросил я.

– А-а! – произнес мэр с улыбкой. Похоже, меня ожидал большой сюрприз. Я лишь надеялся на то, что меня не назначат судьей в конкурсе «Лучший кабачок года».

После ланча – мы ели все ту же соседскую свинью и не поддающиеся заморозке овощи – я вызвался приготовить для всех кофе.

– Мы будем пить его на улице, – сказала Флоранс и вышла в сад вместе с Мишелем и Симоном.

– Мне кофе не надо, – сказала Бриджит. – Я буду тизан. – Стало быть, травяной чай. – Пойду прилягу. Принесешь чай в мою спальню?

О нет, подумал я. Не станет ли это ее местью? Сиеста нагишом?

---

[64] Зал торжеств (*фр.*).

[65] Почему я? (*фр.*)

Французы обожают свой травяной чай. Не клубничный или клюквенный, не сладкую фантазию из ягод, от чего кайфуем мы, бритты. А французские травяные настои, приготовленные из всевозможных кустарников. Некоторые по вкусу очень даже неплохи, если кому нравятся свежезаваренные прутья. Впрочем, лично я скорее стерплю приступ гастроэнтерита, чем заставлю себя пить ромашку.

Я все никак не мог найти никакой травы среди пакетиков с чаем и кофе, но потом вспомнил. Ведь Флоранс с матерью собирались ехать за травяным чаем в гипермаркет. Возможно, это тест, решил я. Прибежит ли Пол за помощью? Нет, не прибежит.

Я обнаружил большой шкаф, где Бриджит хранила свежие покупки, и там, на самом видном месте, стояла стеклянная банка с цветочной этикеткой и надписью: «Verveine». *Verveine* – это вербена, хотя я понятия не имею, что она из себя представляет. Какой-то кустарник, это уж точно. В банке оказались невообразимо замысловатые муслиновые саше, похожие на отделанные рюшем мужские яички. Должно быть, очень высококачественный кустарник, подумал я.

Я сварил кофе и отнес его в сад, пока настаивалась вербена. Когда тизан приобрел бледно-зеленый окрас, я налил его в изящную фарфоровую чашку (почему они не пользуются такими чашками во время завтрака?) и, собравшись с духом, приготовился к маршброску в спальню Бриджит. Вбегаю, ставлю чашку на прикроватную тумбочку – и мигом обратно, не глядя по сторонам.

Все прошло четко по плану. Краем глаза я заметил, что Бриджит читает, лежа на кровати в своем «кафтане дня». Уф, пронесло, никакой сиесты нагишом. Она даже не успела оторвать взгляд от книги, как я уже скользнул обратно в дверь и вернулся в гостиную.

Я присоединился к Флоранс и остальным в саду, и только сделал блаженный первый глоток кофе, когда из дома донесся истошный крик.

Мы все замерли – кто с ложкой в руке, кто с кофе во рту – и переглянулись. Не ослышались ли мы?

Второй крик подтвердил, что нет, не ослышались. Флоранс и Симон бросились в дом. Мы с Мишелем пошли следом, но осторожно – вдруг дело в какой-то сугубо женской проблеме?

Кровать Бриджит была пуста. Об ее недавнем присутствии напоминали лишь отброшенная книга и перевернутая фарфоровая чашка. Из ванной доносились рвотные звуки и обрывки диалога двух женщин. Из крана лилась вода.

Флоранс вышла из ванной туча тучей. Подняла чашку с кровати и принюхалась:

– Что ты принес маме?

– Вербену.

– Покажи мне.

Я показал.

– *Imbécile*[66]*,* – со стоном произнесла она, когда увидела пакетик.

– В чем дело?

– Это же для ванны.

– Что?

– В них содержится мыло. Это шарики для ванны, *parfumés à la verveine*[67]. Ты что, не прочитал состав?

– Читать состав? Конечно нет. Я никогда не читаю состав на пакетиках с чаем и кофе. На этикетке было написано: *verveine*. Откуда мне знать, что вы моетесь в том же дерьме, какое пьете? Мы, бритты, не пьем мыло.

---

[66] Идиот, тупица (*фр*.).

[67] С ароматом вербены (*фр*.).

– О, Пол! *Maman* выпила залпом почти все. Теперь она думает, что ты пытался отравить ее.

– *Oh, merde!*

Мишель, Флоранс, Симон мрачно уставились на меня, пытаясь решить, то ли я ни черта не смыслю в тизане, то ли я просто киллер-неудачник.

К счастью для меня, Мишель расхохотался первым. Бедной Флоранс пришлось вернуться в ванную помогать своей матери отрыгивать мыльную воду. Мы же, трое мальчишек, вышли в сад и завалились на траву, покатываясь со смеху.

9

Разумеется, я попросил прощения и, как подобает джентльмену, сдержался, когда заметно побледневшая Бриджит спросила, собираюсь ли я потчевать таким же зельем посетителей своей чайной.

В качестве наказания я провел остаток дня вместе с Мишелем на крыше, где мы по очереди скребли токсичный и нетоксичный шифер. (Интересно, кто кого пытался отравить?)

Бриджит не вышла ни к *apéro*, ни к ужину (я приготовил пасту с соусом, в котором не было ни грамма свежих овощей), и Флоранс сказала, что *Maman* нельзя оставлять одну.

– Я не смогу пойти в *Salle des Fêtes*, – прибавила она. – Я должна остаться с мамой.

– Но ты-то хоть пойдешь со мной, Мишель? – спросил я умоляющим тоном.

– *Ah non, ça m'emmerde*. – Такие мероприятия его, видите ли, утомляют, если дословно, то «у него от них понос». В общем, то же самое, что «faire chier». У французов, кажется, серьезные психологические проблемы, которые тянутся из далекого детства, когда их приучали к горшку.

Короче говоря, вышло так, что я один топал по холмам в сгущающихся фиолетовых сумерках. Гигантские комары пытались сбить меня с ног и высосать всю кровь, но я отчаянно прихлопывал их и упрямо шел вперед, поднимаясь все выше и выше, к манящему галогенным сиянием *Salle des Fêtes* на центральной площади коммуны.

Своей конструкцией *Salle* напоминал подарок от Советской России года этак 1970-го. Он был модернистским и гордился этим – стеклянные стены торчали из земли под разными углами, напоминая траектории плутониевых частиц в первые тысячные доли секунды после ядерного взрыва.

Главный зал по площади превышал три-четыре вместе взятых теннисных корта, но из-за особенностей дизайна, в котором преобладали углы, свободного места для проведения праздников оставалось не больше десяти квадратных футов. Еще на подходе, заглянув в окна, я увидел, что это пространство полностью занято длинным столом из клееной фанеры, уставленным бутылками.

Я узнал всех, кого смог разглядеть: это были фермеры, к которым возил меня с визитом мсье Рибу. Только вот из имен мне удалось вспомнить лишь Анри и Жинетт.

Как только я вошел в распашные двери, меня, как положено, встретили ахами. Сначала раздался один возглас, потом еще один и так далее: численность хора голосов росла по мере того, как подключались другие, увидевшие, из-за чего все ахают.

С чего вдруг все они так рады видеть меня? – недоумевал я. Полагаю, причина не в том, что они наслышаны о моем покушении на Бриджит?

– Пол! – Рибу подошел ко мне и взял за руку.

Его собака крутилась в ногах. Так вдвоем они и проводили меня к столу, где я начал обход с рукопожатиями. Женщины тоже жали мне руку – видимо, потому, что для поцелуев я был слишком молод и слишком иностранец. Между нами лежала пропасть лет в тридцать, если не больше.

Было нестерпимо душно в этом абстрактном аквариуме. И неудивительно – солнце нагревало в нем воздух с первых дней мая, и вдобавок человек десять уже активно заменяли кислород табачным дымом.

Впрочем, кроме меня, никто, кажется, и не потел. Мужчины чувствовали себя вполне комфортно в своих воскресных рубашках, без пиджаков, а две дамочки и вовсе были в легких кардиганах. Я надел футболку, джинсы и вьетнамки, но чувствовал, что все, кроме вьетнамок, лишнее.

Мы подняли бокалы теплого красного вина и выпили за Ее Величество и в память о принцессе Диане (или леди Ди, как они ее называли).

Я активно участвовал в застольной беседе, отвечал на вопросы типа «Полагаю, в Англии нет такой жары?» или «Так вы живете в Париже?», в то время как мсье Рибу великодушно наблюдал за мной со стороны, словно я был бездомным щенком, которого выставили напоказ, чтобы подыскать ему новых хозяев.

Когда мэр наконец включился в беседу, все разом замолкли и обратились в слух.

– Видите вон тот дом, через дорогу? – сказал мсье Рибу. – Когда-то это было *café*. И коммуна недавно выкупила его. Мы собираемся снова открыть там *café*. Уже получили лицензию.

Все одобрительно закивали головой, и кто-то пустился в воспоминания о прежнем владельце кафе, который, если я правильно понял, повесился в саду на заднем дворе.

– И еще у нас маленький магазинчик, который работает по утрам, – продолжил мэр. – Но мы получили лицензию на торговлю табачными изделиями, так что теперь ищем, кто бы смог работать в магазине целый день.

– И по воскресеньям с утра, – подсказала женщина с другого конца стола.

– И по воскресеньям с утра, – подтвердил Рибу.

Я произнес поздравительный тост и пригубил вина, чувствуя, как оно сочится из моих пор капельками пота.

– У нас в коммуне живет один голландец, – снова заговорил мэр, – но он даже не пытается интегрироваться в нашу жизнь. Приезжает летом, на Пасху, иногда на Рождество, но он путешествует в автофургоне, так что все свое привозит с собой. Мы видим, как он разгружает свои банки с пивом, сыры.

– И PQ, – вставил кто-то, вызвав общий смех. Я знал, что PQ – это туалетная бумага. Сокращенный вариант «papier cul», или, как у нас выражаются, «arse paper»[68].

– Но англичане не такие, – продолжил Рибу. – В Туле есть несколько английских семей, и они живут в своих домах почти весь год. Покупают местные сыры и вино.

– И PQ, – прибавил тот же человек, и на этот раз смех был еще громче.

– Они интегрируются, – сказал Рибу. – Вот почему Дордонь процветает. Англичане даже отдают своих детей в местную школу.

Улыбающиеся лица, казалось, подтверждали тот факт, что экономика Дордони обязана своим здоровьем исключительно мне.

– Так что мы счастливы, что вы решили сюда приехать. Вы первый, но стоит только одному англичанину появиться в коммуне, как потянутся и другие. Мы это знаем.

Со всех сторон ко мне по-прежнему были обращены приветливые лица, но настроение у меня заметно упало. О чем говорит этот Рибу?

– Мы уверены, что вы найдете то, что вам нужно, в одном из домов, которые вы посетили.

– Или в поле, – сказал Анри, поднимая бокал и многозначительно глядя в мою сторону.

– Да, – продолжил Рибу, – если вы предпочтете строиться, я могу гарантировать, что у вас не будет проблем с получением разрешения на строительство, если вы понимаете, что я имею в виду… – Смешки по кругу. – Точно так же не будет проблем, если вы захотите что-то переделать на английский манер. И разумеется, здесь все это намного дешевле, чем в Дордони.

Они все смотрели на меня с ожиданием. Я был уверен, что полуулыбка, прилипшая к моим промаринованным анчоусами губам, вот-вот отвалится и обнажится гримаса ужаса.

---

[68] Бумага для задницы (*англ.*).

Как ни странно, я не подумал: «С чего они взяли, что я захочу провести остаток своей жизни в этой дыре?», – что было бы логично. Я уже успел отметить немало преимуществ жизни в деревне, где самыми серьезными источниками стресса были проблемы вроде «где провести сегодня *apéro*» и «куда девать пять тонн не подлежащих заморозке овощей и фруктов».

Нет, первое, о чем я подумал, было другое: я убью эту Бриджит. Она подставила меня – сначала пригласила соседей, мечтающих продать свое поле, а потом отправила с мэром в обзорный тур по окрестностям с прицелом на покупку недвижимости.

И следом – тут уж я ощутил настоящий ужас – пришла другая мысль: Флоранс. В тот первый вечер Анри и Жинетт, увидев меня, должно быть, решили: «Ура! un Anglais![69]» – и дальше действовали экспромтом. Иначе они отвели бы меня смотреть поле днем, не так ли? Кто станет продавать дом или (как я предполагал) поле, когда не видно ничего, кроме полчищ мотыльков и комаров?

Должно быть, Флоранс знала, что происходит, когда вела меня в ту ночь по тропинке. И на следующий день, когда я уезжал, не подозревая о том, что меня будут насильственно откармливать клубникой все, кто хоть раз голосовал за Рибу. Наверняка она знала и о том, что меня ждет сегодня вечером. Хотя вряд ли каждый бойфренд, которого она привозила к *Maman*, удостаивался чести присутствовать на таком приеме муниципального масштаба.

Флоранс знала и о том, что в прошлом году я пытался – причем неудачно – купить дом в деревне.

Это был самый чудовищный подвох, какого только можно было ожидать от любимой девушки – а уж я, поверьте, чего только не натерпелся от подруг.

– *Merci, merci*, – пробормотал я, отчаянно пытаясь удержать на лице анчоусную улыбку. Я залпом осушил свой бокал и позволил Рибу долить мне вина. – Я очень… тронут. Ваши слова… – Я никак не мог подыскать подходящий глагол, чтобы закончить фразу. – Ваши слова по-настоящему… соответствуют.

Все радостно закивали. Все-таки это слово для них что-то значило.

– Но сейчас я должен возвращаться домой, – сказал я. – Бриджит приболела.

И подумал: «Слава богу, что я отравил ее. Какая блестящая отмазка».

– О, нет! – хором воскликнули присутствующие. Значит, они еще не слышали об инциденте с вербеной.

– Да, загадочная болезнь. Мы сами не знаем, в чем дело.

Я поднялся, улыбаясь во весь рот, как будто дантист пытался сфотографировать мои новые протезы, и на прощание тепло пожал всем руки.

Окунувшись в теплый, зато без примесей табачного дыма, воздух, я тут же схватился за телефон, в спешке набирая номер Алексы. Просто сейчас она казалась самым здравомыслящим и нейтральным человеком из всех, кого я знал. Единственной, кто поймет, что происходит.

– Ты застрял в Коррезе? – спросила она, и в ее голосе прозвучало изумление.

– О да. – Я отошел на безопасное расстояние от *Salle des Fêtes* и рассказал ей обо всем, что со мной приключилось. И не только об абсурдной ситуации с покупкой дома, но и о мокрых следах на полу ванной, о моей неспособности собирать кабачки нужного размера или копать правильную яму, о попытке отравления.

К тому времени, как закончил свой рассказ, я уже начал спускаться с холма, и мне пришлось остановиться, чтобы не потерять сигнал.

[69] Англичанин! (*фр.*)

– Все очень просто, – сказала Алекса. – Оба мои родителя только и делают, что лечатся, с тех пор, как Зигмунд Фрейд объявился со своей терапией. (Она произнесла фамилию на французский манер: «Фрод».) Так что в этих делах я дока. Жидкость – это сексуальность. Мокрые следы на полу ванной, даже травяной чай, есть не что иное, как обмен сексуальной энергией.

– Обмен? Ни в коем случае.

– Да. Она сама олицетворяет и дом, и пол ванной. Ну и конечно, не забывай о том, что кабачки тоже имеют фаллическую форму. – Похоже, Алекса не шутила. – А рытье ямы? Это же секс в чистом виде.

– Нет, я просто копал, Алекса. Лопатой, а не…

– Большой, крепкой лопатой?

Я припомнил лопату с ее длинной и прямой рукояткой. Бог мой, даже если бы ее выкрасили в розовый цвет, намек не стал бы прозрачнее.

– И она сказала, что я копаю *не в том месте.* О нет!

– О да! Она хочет, чтобы ты копал своей лопатой где-нибудь еще. Например, у нее между ног.

– Алекса, прекрати, пожалуйста.

– Извини, но мне все предельно ясно.

– Хорошо, хорошо. Но теперь все кончено, она уже не хочет, чтобы я копал. Она послала меня сдирать мох с крыши. Выходит, она успокоилась?

Последовала пауза. Алекса задумалась.

– Чем ты сдираешь мох? – наконец спросила она.

– Ножом.

– Хм… Возможно, она фантазирует, что ты бреешь ей лобок.

– О боже, спаси меня…

– Что еще?

– Теперь она хочет, чтобы я промыл крышу из шланга.

– Вот видишь, все лежит на поверхности. Она хочет, чтобы ты побрил ее, а потом помыл из своего шланга. Или, может, когда твои кабачки станут для нее достаточно большими…

– Нет, прошу тебя, остановись! – прервал я Алексу. И прибавил: – Все это чушь полная. Просто мне приходится выполнять некоторую работу по дому. Собирать овощи, копать в саду, чистить крышу. Это обычное дело в деревне. – Хотя был вынужден признать: расхаживать по дому в прозрачной ночной рубашке и случайно или нарочно вламываться в ванную и таращиться на мой член – это вряд ли можно назвать обычным делом. – Но теперь, когда я пытался отравить ее, она воспримет это как подсознательный сигнал, не так ли? Оставь меня в покое, или я убью тебя?

– Да, не беспокойся, думаю, теперь это закончится.

– Слава богу.

– Ну, а в остальном, все нормально? – Алекса рассмеялась. – О, бедный Пол. – Мне показалось – или в ее голосе действительно прозвучали ностальгические ноты?

– Да-да, а у тебя?

– Я возвращаюсь в Париж недели через две-три, – сказала она. – Буду работать над фильмом.

– Ты теперь еще и фильмы снимаешь, не только фотографируешь?

– Пытаюсь. Это будет… как же вы говорите?… Да, учебная практика. В настоящем художественном фильме.

– Вау!

– Несколько сцен будут снимать в Париже, и я буду работать ассистентом. Можешь как-нибудь подъехать. Хотя тебя, наверное, не будет в Париже?

– Не знаю. Что, если они не выпустят меня отсюда?

Алекса рассмеялась, как будто я шутил.

Когда я вернулся домой, там творилось что-то невообразимое. Везде горел свет, входная и задняя двери были распахнуты настежь. Флоранс и Мишель носились по дому с тряпками и швабрами.

– Что случилось? – спросил я.

– *Maman*… – Флоранс была вся мокрая и в мыле в прямом смысле слова. – Она включила стиральную машину, но забыла опустить шланг в душевой поддон. И машина преспокойно выкачала девяносто литров мыльной воды на пол ванной. Вода просочилась и в подвал, залило все овощи, которые ты собрал.

– Девяносто литров теплой мыльной воды? Из шланга? И на мои кабачки? – Если по Фрейду, то Бриджит явно пошла вразнос.

Все, с меня довольно, решил я, как только воду соберут, мы убираемся прочь из этого дома. Из этой деревни. Из Корреза. Куда-нибудь, где нет лопат, заросших мхом крыш, нет кабачков. Прежде всего, никаких кабачков.

II. А не послать ли всех Арс?

1

Французы не стесняются рассказывать политически некорректные анекдоты. Они охотно высмеивают жителей Оверни[70] за их скаредность, швейцарцев подвергают насмешке за медленную речь, бельгийцев – за недостаток ума.

Взять, к примеру, тот анекдот про бельгийца, который проваливается в шахту лифта. Падая вниз, он рассуждает (здесь надо изобразить утробный бельгийский акцент): «Надо же, а это не так уж страшно. И совсем не больно. Нет, не больно. Пока не больно. Не больно. Ай!»

Ну, хорошо, согласен, юмор так себе, но сейчас мне было смешно, потому что я сам превратился в того самого бельгийца.

Меня несло к берегу со скоростью сто миль в час, и я испытывал потрясающие ощущения. Это было уже в десятый, двадцатый раз, но эйфория не проходила.

Я ускорялся, выжимая не меньше двухсот в час, чувствуя, как зависаю в воздухе, а голова гудит от шума. Наверное, это незабываемое впечатление, когда падаешь из самолета без парашюта, если только ты способен наслаждаться свободным полетом, не задумываясь о том, что случится при встрече с землей.

Меня затрясло, как на кочках, потом все потемнело, и мир перевернулся. Я почувствовал, как моя шея едва не хрустнула, и вдруг все встало на свои места, и я лежал на животе, тяжело дыша, улыбаясь своей девушке, загорающей топлес.

Последняя волна оказалась куда круче, чем все остальные, она вырвала у меня из рук бодиборд и заставила перекувырнуться. Наверное, пора передохнуть.

Я поднял свою доску, тряхнул головой, избавляясь от воды в ушах, и пошел по песку к Флоранс. Она лежала на оранжевом пляжном полотенце, с закрытыми глазами, думая (как я надеялся) о том, как здорово, что мы находимся за сотни километров от ее матери.

Мы были на острове Ре, что тридцатикилометровой полосой тянется вдоль западного побережья Франции. На карте он чем-то напоминает тощую куриную лапку с длинным изогнутым пальцем на западном окончании. На самом деле это уже и не остров как таковой, потому что теперь – после долгой экологической возни – огромный мост надежно приковывает его к материку.

Мы были здесь всего два дня, но я уже пришел к выводу, что на Ре есть все, чего только можно желать от жизни. Ну, если только ты не полярник, не трейнспоттер[71] и не охотник на носорогов.

Начнем с того, что в городке, где мы остановились, каждый день работал рынок и можно было покупать местные морепродукты, дыни, нектарины и абрикосы, которые помогли мне забыть о существовании кабачков и клубники. Был ларек, где продавали легкие островные вина, которые поднимали настроение и не портили его утренним похмельем. Здесь же предлагали живое пиво из местной пивоварни, и, если мне не хотелось пить его дома, можно было расположиться в многочисленных барах и *cafés*, где все посетители были такими же анонимными, как и я.

---

[70] Овернь – регион на юге центральной части Франции.

[71] Трейнспоттер – человек, хобби которого – отслеживать поезда и записывать номера локомотивов.

Волны со стороны Атлантики накатывали достаточно серьезные, чтобы привести меня, новичка-любителя, в состояние нервного возбуждения, но не огромные, что привлекало этих умников-сёрфингистов, каждый из которых так и норовил зацепить тебя своей доской, если ты осмеливался пойти на «их» волну.

В начале июля остров, вдобавок ко всем прочим прелестям, был зоной, свободной от носков. Я нахожу, что, когда пальцы моих ног на свободе, тогда и остальные части тела чувствуют себя гораздо более раскованно и готовы на подвиги.

Ну и потом, рядом со мной была Флоранс, на конец-то освобожденная из плена материнских запретов.

Флоранс была идеальной девушкой для каникул (как мне тогда казалось), и не только потому, что при виде ее фигуры казалось, будто бикини изобрели специально для нее, – она обладала еще и неистощимым сексуальным аппетитом или, по крайней мере, весьма убедительно это симулировала. Есть девушки, которые то и дело повторяют: «О, не переживай из-за меня, главное, чтобы ты получил удовольствие», – и в таких ситуациях я начинаю чувствовать себя полным импотентом. Но с Флоранс все было иначе. Она определенно не была той женщиной, которую представила Мадонна в своей знаменитой песне «Как девственница». Скорее она была девушкой из песни «Сделай это со мной еще раз».

Мы остановились в летнем домике отца Флоранс, где было три спальни и еще больше кроватей, плюс к тому пара диванов и громадная ванна. Все эти предметы интерьера уже были опробованы нами за то короткое время, что мы здесь прожили.

И сейчас, пока я стоял над Флоранс, лежащей на песке, и капли воды с моих волос капали в ее золотистый пупок, я мечтал лишь о том, чтобы быстрее вернуться домой и начать все сначала.

Я знаю, это глупая мальчишеская выходка – разбудить девушку, обрызгав ее холодной водой. Но устоять перед соблазном невозможно. Девушка визжит и корчится, мышцы ее живота напрягаются, груди вздрагивают и затвердевают соски. Потом, если тебе повезет, она соблазнительно улыбнется, и тебе лишь останется встать на колени и поцеловать эту улыбку.

– Не пора ли мне втереть в тебя еще немного солнцезащитного крема? – спросил я.

– Но я же не заходила в воду.

– Ну тогда, может, я сотру старый слой и натру тебя заново? Предосторожность не бывает лишней, когда речь идет о защите от ожогов.

– Это да, но у тебя все руки в песке, и от них я должна защитить себя в первую очередь.

Что ж, торопиться не будем, подумал я и улегся у нее под боком. Мы определенно не были одной из тех парочек, которые пользуются разными полотенцами.

– Ты мокрый, Пол, иди на свое полотенце!

Поспешил я с выводами.

Мы лежали на длинном белом песчаном пляже, на северо-западном побережье острова, что в самом верху куриной лапы. Его нельзя было назвать цивилизованным пляжем – купить что-нибудь из еды и напитков можно было только у студента с тележкой, который курсировал из стороны в сторону по берегу. Примерно в миле от нас, возле старого маяка, стояли два массивных нацистских блокгауза, которые съехали с дюн прямо на берег, но на той полоске, где валялись мы, не было ничего, кроме моря, песка и загорающих. Здесь казалось, будто жизнь человека подчинена исключительно отдыху на морском побережье. Если бы только это было правдой, каким замечательным стал бы мир, подумал я.

Хотя голова моя и была забита сентиментальным мусором, я не мог игнорировать тот факт, что многие парни пытались навеки запечатлеть обнаженную грудь Флоранс. Когда они, проходя мимо, вдруг резко останавливались, чтобы сфотографировать ее (я все-таки загородил обзор одному парню, который, делая вид, будто ловит сигнал, упорно направлял свой мобильник в сторону Флоранс), я, честно говоря, не возражал. Может, потому, что лично

мне никто не мешал разглядывать другие роскошные образцы загорелых женских тел, коих вокруг было немало. Этот кусочек пляжа вполне мог стать местом фотосъемки для каталога купальников, куда завезли только трусики. И мы как раз были на границе с тем участком пляжа, где вообще не приветствуется пляжная одежда. Его оккупировали равномерно обугленные на солнце немолодые тела, с сыпью от бритья и татуировками в таких местах, о которых я предпочел бы не знать.

Я не мог смотреть на этих женщин, не вспоминая о Бриджит. И почему, недоумевал я, мужчины, прежде чем нырнуть в воду, чувствуют себя обязанными посвятить несколько секунд разглядыванию каких-то тряпочек, болтающихся у них между ног? Судя по тому, какое самодовольство отражается в этот момент на их лице, туристические фирмы просто обязаны упомянуть эти гениталии в списке достопримечательностей острова.

Не будучи завсегдатаем нудистских пляжей, я обратил внимание на одну особенность мужского тела, которую не замечал раньше. Кстати, ее не показывают даже в самых откровенных фильмах.

– Посмотри на него, – сказал я Флоранс. – Вон там, справа, парень с брюшком и волосатыми сосками.

– Да?

– У него большие жирные яички и крохотный краник.

– Краник?

– Ну или сосиска, как хочешь назови. В общем, *дружок*.

– А… да. – Флоранс снова легла на спину. Видимо, ее не впечатлил мой прорыв в познании физиологии человека.

– Это даже не пара грецких орехов с чиполатой[72] посередине, а скорее два киви и грибок-пуговка. Тебе это не кажется странным?

– Честно говоря, Пол, если *zizi*[73] маленький в состоянии покоя, это еще не значит, что он таким и останется, когда возбудится. – Она как будто защищала парня, ей даже хотелось, чтобы он ее услышал. – Знаешь, очень часто у мужчины с виду крохотный член, но *dans le feu de l'action*[74] он может приятно удивить.

– Ладно, ладно, я понял, спасибо. – Есть женские секреты, которых лучше не знать: скажем, насколько глубоко она изучала особенности возбужденного *zizi*.

– У тебя что, комплекс? – спросила Флоранс, игриво прищуриваясь.

– Нет, с чего вдруг?

– *Ah, les hommes*[75]. – Она снова закрыла глаза, так было удобнее философствовать. – Знаешь, вам всем есть что предложить женщине. И лучшие мужчины те, которые знают, что предложить, и делают это со всей щедростью. Не хочу вселять в тебя излишнюю самонадеянность, *mon chéri*[76], но должна сказать, что ты из их числа.

От этих слов мое настроение резко поднялось, как и то, что скрывалось в моих шортах.

– Но с другими мужчинами, – продолжала Флоранс, – иногда приходится повозиться, убеждая их в том, что они могут доставить женщине удовольствие, даже показывать им, как это делается. Помню одного парня, так у него *zizi* был гораздо скромнее, чем у тебя, но он…

---

[72] Чиполата – небольшая колбаска длиной примерно с палец и диаметром 2 см, приготовленная из свинины или смеси свинины и говядины.

[73] Мужской половой орган (*фр. разг.*).

[74] В самый разгар (*фр.*).

[75] Ах, эти мужчины (*фр.*).

[76] Мой дорогой (*фр.*).

Вот оно, основное правило жизни, подумал я. Такое же незамысловатое и глубокое по сути, как и то, что нельзя заходить в двери лифта, не убедившись в том, что кабина перед вами. Не комментируй размеры чужих пенисов, иначе сам угодишь в яму.

2

Когда я сажусь на велосипед, меня, как любого нормального парня, начинают одолевать половые проблемы. Хромосомные, если быть точным. Лично мне совсем не хочется, выбиваясь из сил, крутить педали – это мои мужские хромосомы жаждут скорости.

Вот и сейчас они гнали меня вперед, требовали, чтобы я оставил Флоранс позади, пусть медленно катит к дому. Они хотели, чтобы я резко свернул с главной дороги, исколесил все тропки и, сделав крюк, вынырнул прямо перед Флоранс или чтоб, на худой конец, ехал рядом с ней, выписывая зигзаги, не держась руками за руль.

Впрочем, как выяснилось, я работал ногами на пределе своих возможностей, но все равно проиграл бы гонку даже одноногому лобстеру. А все потому, что под каменным навесом дома отца Флоранс хранилось четыре велосипеда, и это были самые дряхлые и самые ржавые велики в истории человечества. Рамы, колеса, цепи и руль были покрыты коричневой чешуей ржавчины; даже резина проржавела, а мне всегда казалось, что это невозможно с чисто научной точки зрения.

Очевидно, велики были куплены вместе с домом, но Флоранс настояла на том, чтобы мы ими пользовались, хотя они превращали то, что могло бы стать приятной шестикилометровой прогулкой по ухоженным велосипедным дорожкам, в великое противостояние лязгающего старого железа и наших беззащитных нижних конечностей.

Честно признаться, красивая девушка на старом велосипеде смотрится особенно сексуально – наверное, все дело в контрасте, это как горячий десерт с мороженым. Но нет ничего сексуального в том, чтобы биться копчиком о твердое, как камень, седло в отсутствие даже намека на подвеску. Каждая трещинка на велосипедной дорожке отдавалась вибрацией в области таза и угрожала перетасовкой зубов во рту.

Возвращение с пляжа на этих ржавых велосипедах могло сравниться разве что с нашим многострадальным путешествием через всю Францию к острову Ре.

Наутро после того, как Бриджит затопила ванную комнату, я попросил Мишеля отвезти нас в Брив, где мы сели на местный поезд и двинулись через Дордонь. Этот *train regional,* мини-TGV[77], был таким новым, что пассажиры, заходя в вагон, говорили: «О, пардон», поскольку думали, что оказались в первом классе. Кстати, среди тех, кто с комфортом пересекал Дордонь, не было ни одного англоговорящего пассажира, что лишний раз показывает, насколько мы отвыкли ездить на поездах, напуганные страшилками о британских железных дорогах.

Приятная часть нашего путешествия, с удобствами и кондиционером, закончилась, когда мы добрались до Бордо. У перрона нас ждал магистральный поезд (французские железнодорожники в этом смысле очень вежливы – они дожидаются прибытия стыковочных поездов), но беда в том, что мы не забронировали места. А этот монстр из двадцати вагонов был битком набит теми, кто заранее позаботился приобрести билеты для предстоящей миграции вдоль западного побережья от Биаррица до Нанта. Если бы не улыбки отпускников и не пляжная одежда, можно было подумать, что вся Юго-Западная Франция спасается от испанской интервенции. Восьмиместные купе были плотно оккупированы семьями, которые благополучно уплетали заготовленную в дорогу провизию, болтали, играли в карты, а их чемоданы перегораживали коридоры или опасно балансировали на багажных полках, угрожая устроить похрапывающему деду жестокую побудку.

[77] TGV – скоростной электропоезд.

Мы с Флоранс с трудом прокладывали себе путь по вагонам, карабкаясь по горам багажа и людским головам, словно пауки по угольным кучам, пока не сдались, рухнув у дверей туалета вагона первого класса. Здесь нас то и дело беспокоили сердитые пассажиры, которые подозревали, что мы явно не относимся к той категории путешественников, для которой предназначен вагон, а подоспевший контролер и вовсе заявил, что мы должны доплатить за счастье стоять под дверью столь привилегированного туалета.

Я заплатил, но только при условии, что он найдет нам место, что он и сделал. Место было одно, и я галантно уступил его Флоранс, а сам вернулся исполнять роль консьержа у представительской уборной.

Мы сошли с поезда в Ла-Рошель и отправились запихивать свои сумки в багажное отделение нестерпимо душного автобуса. Всего через полчаса мучений в пробке, которая растянулась по мосту до самого острова, мы оказались в туристической зоне, так что потеть в раскаленном от солнца автобусе казалось делом вполне естественным. Мы ехали по деревенькам из одноэтажных белых домиков с выгоревшими черепичными крышами. Люди здесь бродили полураздетые и никуда не спешили, было видно, что они просто курсируют между домом и пляжем. Флоранс сняла с себя футболку и осталась в топе-бикини, так что теперь я сидел рядом с настоящей пляжной куколкой.

Придорожные вывески обещали дешевый прокат велосипедов и свежие морепродукты, указывали путь к кемпингам, отелям и туристическим деревням. Даже рекламные афиши бродячего цирка с его пестрым клоуном и грустным слоном создавали атмосферу праздника.

Все с любопытством разглядывали и запоминали мельчайшие черты местечка, где предстояло провести ближайшие две недели. Или, насколько я знал французов, месяц или два.

Я говорю «все», но группа избранных все-таки проявляла нарочитое равнодушие к отпускным декорациям. Наш автобус был шаттлом для дочек из богатых резиденций острова. Девушки, все как одна, были с конским хвостом золотых волос, в обтягивающем топе без рукавов, солнцезащитных очках с логотипом известных марок, и казалось, что они приросли к своим телефонам или MP3-плеерам. Почти на каждой остановке из автобуса выходила одна девушка, а то и две, и каждую встречал кто-то из загорелых родителей, в шортах с прорехами и на машине с парижскими номерами, или старший брат, босой и с голым торсом, на «мини-моуке».

Мы с Флоранс держали путь в самый дальний конец острова, к маленькому порту с замечательным названием Арс, которое произносилось именно так, как я и думал. Я настоял на том, чтобы лично купить билеты, исключительно ради удовольствия залезть в автобус и спросить у водителя: «Вы едете в задницу?»[78] В Англии за такой вопрос убили бы. Я уже предвкушал какую-нибудь парижскую вечеринку, когда в разговоре о проведенном отпуске смогу сказать девушке: «Обожаю задницу».

Короче говоря, отличное место для покупки летнего домика, хотя бы ради прикольных почтовых открыток, которые можно было бы рассылать своим друзьям.

Вот уже второй день подряд мы тряслись на велосипедах, возвращаясь с пляжа в Арс.

Мало того что раздражало средство передвижения, так еще порывистый боковой ветер пытался играть с моим бодибордом, как с парусом, так и норовя сбросить меня в яму. Велосипедная дорожка тянулась мимо виноградников, где на лозах уже созревали ягоды, и оросительных канав, по которым морская вода попадала в низины и возвращалась обратно. Между живыми изгородями и деревьями можно было разглядеть кучки белой соли, которую соби-

[78] Намека на то, что французское название созвучно английскому слову *arse* – «задница» (*груб.*).

рали граблями *sauniers*, солевары. Судя по всему, они затопляли свои поля, а потом перекрывали поток, оставляя воду испаряться под солнцем, пока не образуется соляная корка, которую они потом и сгребали.

Молодой парень, на котором из одежды были только широкополая соломенная шляпа и застиранные, цвета ржавчины, шорты, завидев нас, перестал грести и помахал Флоранс рукой. Я был слишком занят своими болевыми ощущениями, чтобы дознаваться, кто он такой.

Самое ужасное заключалось в том, что страдал я совершенно напрасно. В минуте ходьбы от дома находился велосипедный магазин, где я мог взять напрокат самую современную модель с седлом, которое ласкало бы те части тела, что подвергались сейчас пыткам. Но Флоранс отказывалась даже обсуждать более практичные варианты.

– Тебе хорошо, у тебя на седле хоть какая-то набивка, – возражал я. – Тоже, конечно, не ахти, хотя и очень живописная…

– Нет, Пол. Моя семья всегда ездила на этих велосипедах, и я не вижу смысла изменять традициям только потому, что тебе неудобно. Ничего, скоро твой зад приспособится.

– Если прежде не отвалится.

– Мы не будем ничего менять, – заявила она.

И этот вердикт был окончательным.

Я мог бы наплевать на нее и арендовать велосипед только для себя, но, когда гостишь у кого-то в доме, да еще в чужой стране, лучше не оскорблять хозяев. По крайней мере, до тех пор, пока боль не станет невыносимой.

Однако упрямство Флоранс заставило меня задуматься о серьезных различиях в наших взглядах на жизнь. Я все-таки склонялся к тому, что мое мнение иногда заслуживает того, чтобы к нему прислушались. Флоранс, казалось, думала иначе.

Разумеется, я спросил у нее, почему она не рассказала мне про поле Анри, почему не предупредила о том, что торжество в *Salle des Fêtes* предполагалось завершить игрой в бинго, где главным призом стал бы мой банковский счет.

Она попросту отмахнулась от моих вопросов. Какая разница, что на уме у этих старых фермеров? – прибавила она. Зная о том, что я не собираюсь покупать ни дом, ни поле, она не видела смысла обременять меня такими глупостями.

– Я смог бы сберечь кучу нервов, если бы знал заранее, чего от меня добиваются, накачивая аперитивами и потчуя клубникой, – возразил я.

– Я тоже сберегла бы кучу нервов, если бы по твоей вине моя мать не облевала всю ванную, – парировала Флоранс.

Тупик.

Наконец, после получасовой изнурительной езды, во время которой я старательно сжимал ягодицы, чтобы узкое седло не вступало в чересчур интимный контакт с моей толстой кишкой, мы встали в хвосте велосипедной пробки, и это означало, что до Арса рукой подать.

Это была типичная парижская пробка, только адаптированная для двухколесного транспорта и перенесенная на пятьсот километров от столицы. Горные велосипеды, драндулеты вроде наших, подражатели «Тур де Франс», все были вынуждены выстраиваться друг за другом, преодолевая последние сотни ярдов велосипедной дорожки, чтобы потом рассредоточиться по набережной с ее ресторанчиками и (гм!) прокатом велосипедов.

Через пять минут мы свернули в переулок, где когда-то отец Флоранс и присмотрел свой будущий домик. Он был аккуратный и симпатичный, как и все городские постройки. Двухэтажный рыбацкий домик с террасой, серо-голубыми ставнями и крошечным палисадником, где по каменной стене взбиралась лиана пассифлоры. Мы поставили велосипеды под

навес, и я, поскольку убедился, что никто не услышит моей немой мольбы о скорейшей кончине этих развалюх, ржавых силков для здоровых мышц, сказал:

– Извини, Флоранс. Но завтра утром я собираюсь взять напрокат приличные велосипеды.

– Ты что, не понимаешь, Пол? – Всем своим видом она выражала недовольство. – Ты не заметил разницу между нашими велосипедами и теми, на каких ездят остальные?

– Как раз заметил. Их велосипеды едут прямо и не скрипят, как средневековые мельницы. Я хочу быть, как все, вот что я имею в виду. Я хочу быть «своим».

– Ты не прав. Мы и есть «свои». И я докажу тебе это сегодня вечером, когда пойдем обедать. А теперь хватит спорить о велосипедах, лучше помоги мне очистить тело от песка и солнцезащитного крема.

– Понял. – В конце концов, есть в жизни вещи поважнее, чем велосипеды.

3

Был ранний вечер. Солнце еще не зашло и отсвечивало в низких крышах Арса.

Мы с Флоранс брели, взявшись за руки, по цветочной аллее, на удивление тихой и безлюдной, хотя всего в нескольких шагах от нас был центр города. Высокие стены садов были увиты клематисами и растениями, для меня диковинными, над головой нависали ветви смоковниц и яблонь.

Флоранс давала мне урок французской архитектуры.

– Вот видишь? Ярко-зеленая краска здесь хорошо смотрится, правда? – Она постучала пальцем по лакированным ставням совсем недавно отреставрированного дома.

– Да, пожалуй. Она оживляет серый цвет камня.

– Хм… но выглядит чересчур *nouveau*[79]. А это, о! – Она показала на дом напротив. – Белые ставни, какой примитив. Что, решили сэкономить на цветной краске? Или думают, что они в Париже? Вот эти куда лучше. – Она остановилась, чтобы отковырнуть частичку тусклой зеленой краски с древних облупившихся ставен. – Этот зеленый вполне приемлем, благодаря приглушенному оттенку. Но все равно ни один цвет из этих нельзя назвать правильным.

– В самом деле?

– Да, на этой улице мы его не найдем. Правильный – это тот цвет, что использовал мой отец. Тот самый серо-голубой, это настоящий цвет для окон и дверей на острове Ре.

– И люди действительно так озабочены подобной ерундой?

– О да, пойдем, ты увидишь таких людей.

Меня ожидало немного социологии.

Главную дорогу от центра города до пристани запрудили машины, велосипеды и пешеходы. Это была улица с односторонним движением, но велосипедисты игнорировали дорожные знаки и ехали навстречу потоку. Опять-таки как в Париже.

Мы остановились на углу, и Флоранс обратила мое внимание на одного прохожего. Высокий мужчина, лет пятидесяти, небритый, слегка небрежно одетый, с налетом соли на лице и руках, он напоминал некогда ходившего в кругосветку яхтсмена, которому пришлось заложить свой катамаран.

– Бьюсь об заклад, что у него ставни выкрашены в правильный цвет.

– Он что, рыбак? – спросил я.

– Хм… нет. Он наверняка из Парижа или, может, из Ла-Рошель. Сюда приезжает на лето. Взгляни на его часы, ботинки, темные очки, что болтаются на шее. Видишь, он демонстрирует скрытые признаки богатства, так что никто и не примет его за спившегося старого рыбака. Но когда придет на рынок, он будет говорить с торговцем рыбой так, будто они вместе ловили эту рыбу. Все это снобизм в чистом виде. А теперь посмотри вон на того парня.

На хлипком стареньком велосипеде ехал красавчик юноша. Его широкая белая рубашка и старые «ливайсы» давно забыли про утюг, и на вещах виднелись пятна, так что создавалось впечатление, будто парень последние полгода живет на пляже, укутываясь на ночь в одеяла из сушеных водорослей.

– Отпрыск богатеев, – фыркнула Флоранс. – У него и автомобиль наверняка ржавый, а может, и доска для сёрфинга не лучше.

От такого разнообразия извращенного снобизма у меня голова пошла кругом. Взять хотя бы Флоранс, парижанку, которая свысока поглядывала на тех, чьи велосипеды и оконные ставни выглядели слишком богато, и в то же время презирала тех, кто делал то же самое,

[79] Новый, недавний (*фр.*).

что и она. Почему бы ей просто не отказаться от этих условностей и не взять себе приличный велик?

Хотя сама Флоранс, надо отдать ей должное, в тот вечер была безупречна. Она оставила дома свой старый велосипед и выглядела потрясающе: золотистая кожа блестела от ароматических масел, а топ из лайкры и белые брюки не оставляли ни у кого в радиусе пятидесяти ярдов и малейшего сомнения в том, что нижнее белье на ней высшего класса. Это подтверждали и бретельки лифчика, и полоска трусиков «танга» на бедрах, которая как будто подсказывала брюкам, что они лишние. Распущенные волосы струились по обнаженным плечам, а пупок и низ живота так и напрашивались на поцелуи.

Мы выпили *apéro* в кафе на площади возле церкви, потом пошли к набережной. Я крепко держал Флоранс за руку, чтобы никто даже не попытался похитить ее.

– Нет, – сказала она, – ты просто сопровождаешь меня. Когда идешь на обед, ты уже не должен выглядеть рыбаком. Ты должен выставлять меня напоказ, демонстрировать, как главный приз в телеигре под названием «Камасутра». Ты выиграл меня, и в конце вечера ты проводишь меня домой и насладишься всеми прелестями моего тела.

– Это правда? – с надеждой произнес я.

– Возможно. Но ты не должен показывать, что тебя распирает от гордости.

– Хорошо. – Я не знал, как правильно демонстрировать свою девушку в качестве секс-игрушки, но Флоранс, казалось, была довольна тем, как я одной рукой обнял ее за талию, а другой держал ее руку, совсем как в танцах из книжек Джейн Остин.

На первый взгляд ресторан не соответствовал ожиданиям победителей телеигры «Камасутра». Заведение располагалось под огромным бледно-голубым навесом, пристроенным к заброшенному гаражу, во дворе которого навеки застыли старые механические грабли – видимо, служили напоминанием о труде солеваров.

В интерьере сочетались светлое дерево, рыбацкие сети и сухоцветы, что в любой другой ситуации вынудило бы меня броситься на поиски полиции вкуса. Но тем не менее у входа в ожидании свободного столика стояли три группы отдыхающих, все одетые в стиле «кэжуал шик». Красивая молоденькая официантка с пирсом в пупке хмурила брови в подтверждение того, что мест нет.

К счастью, мы зарезервировали столик заранее, и она провела нас в сад, усадив прямо под оливковым деревом. Будь у нас с собой банка с рассолом и несколько свободных месяцев, мы могли бы заготовить собственную закуску к *apéro*, ожидая, пока у нас примут заказ.

Другая девушка, дружелюбная, но слишком ярко накрашенная брюнетка, подошла с меню, написанным мелом на доске. Она прислонила доску к соседнему стулу и оставила нас медитировать. Когда она отвернулась, нашим взорам открылся глубокий вырез на спине и татуировка в виде змейки, вылезающей из-под юбки. Если еда здесь такая же аппетитная, как и персонал, то нам определенно повезло, подумал я.

Мужчина за соседним столиком остановил официантку, когда та проходила мимо. В рубашке-поло и пуловере «Лакост», он напоминал того богатого «рыбака» с набережной, разве что был моложе.

– Бутылку нашего вина, как обычно, – сказал он.

– Какого именно? – растягивая слова, спросила девушка.

Вау!

Обед был настолько же симпатичный, насколько и вкусный. Каждый из нас съел по целому жареному сибасу, или *bar de ligne*, где «de ligne» означает, что рыбу поймали с помощью крючка и лески, а не рыбацкой сетью. Я догадался, что этот ресторан популярен именно благодаря своей хорошей кухне, а вовсе не потому, что кто-то назвал его модным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.